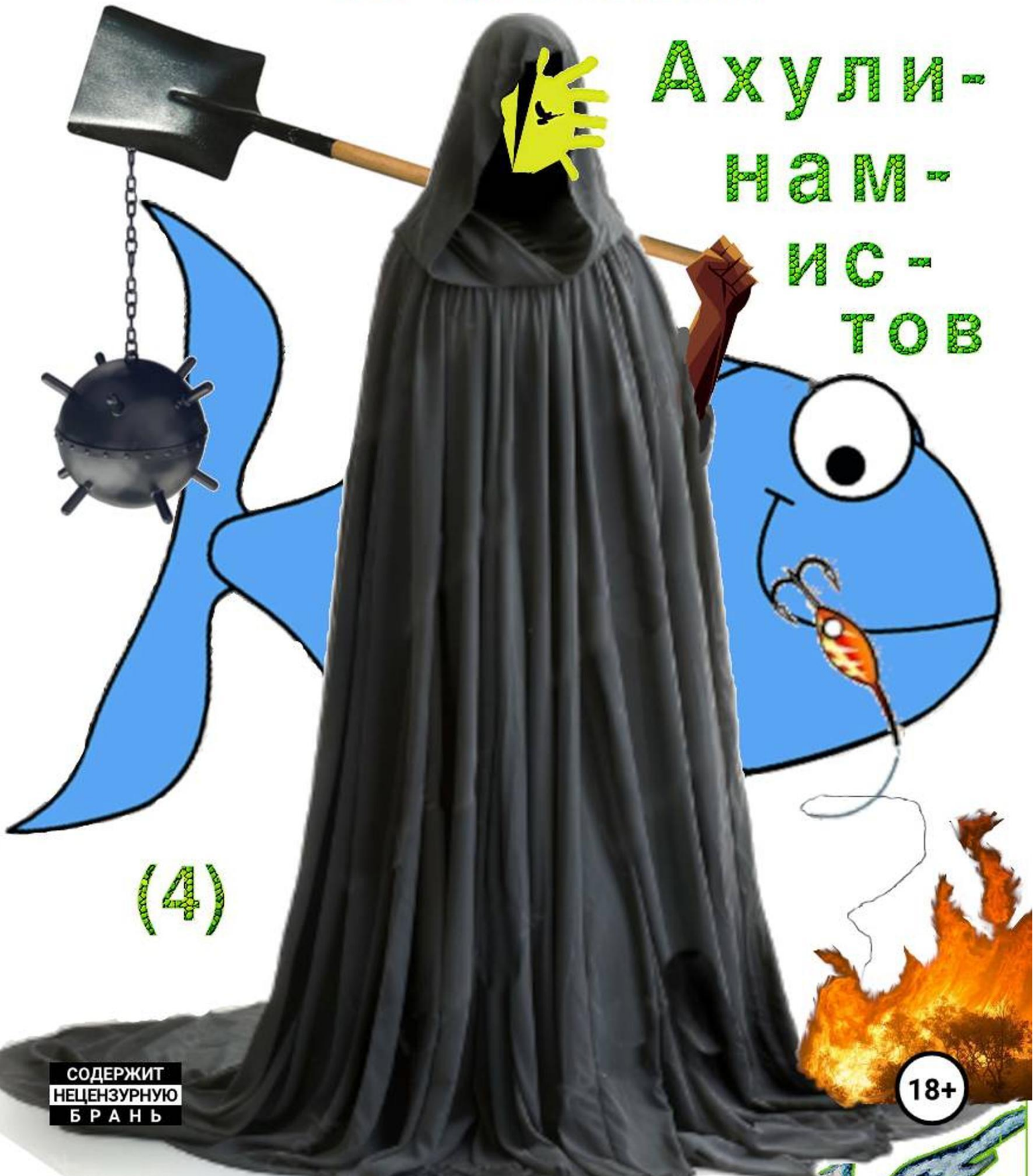

С. ОГОЛЬЦОВ

Честный Лось из племени

Ахули- нам- ис- тов

(4)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Огольцов

**Честный Лось из
племени ахулинамистов**

«Автор»

2026

Огольцов С. Н.

Честный Лось из племени ахулинамистов / С. Н. Огольцов —
«Автор», 2026

Апогей — это не кличка собаки, а точка наивысшего подъёма в каком-либо действии. Герой всё ещё пытается продлить, застопорить, увековечить апогей своих отношений с женой. Готов на всё, хоть под каблук, хоть стать таким же, как все. Эх, молодо-зелено! Эх, лопух хрустящий. Эх! Недавние исследования серьёзной литературной критики, а также повторное следствие компетентных органов свидетельствуют, что многие факты из приключений протагониста взяты с потолка и продолжают оставаться полной брехнёй и враками. На самом деле, он не такой, а очень даже мимяшный лапусик. Просто его подставили.

Содержание

Глава	5
Глава	6
Глава	19
Глава	31
Глава	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Огольцов
Честный Лось из племени ахулинамистов

Глава

Глава

~ ~ ~

Парад планет

В день отъезда всё висело на волоске, точнее — на паутинке. Мне это открылось моментально, как только вышел в подъезд раскумариться, потому что в квартире я даже и Беломора не курил.

Паутинка свисала от корявого бруса поверх дверной рамы входа, и это у неё получалось вполне отвесно, — благодаря содействию горелой спички на её конце. Причём висела она вверх ногами — обугленной головой вниз, а уцелевший конец охватывала петля из паутины. При всей своей неразличимости, она там была. Иначе погорелице не нашлось бы на чём удавиться... Но вопрос даже не в этом, а —

Как долго продержится паутинка?

Прощелина между брусом и слоем тяп-ляпно забеленной штукатурки являлась персональной свалкой использованных спичек. Именно туда их впихивал гордый своей хитроумностью аккуратист, в моём лице. Да, я поддерживал чистоту в подъезде, где урны не было и нет, и вряд ли он её вообще увидит.

После того как Тонин пацанчик поймал меня с поличным, и обличил той экспозицией из канареечного корма на табурете в центре кухни, мне стало нечего уже терять в глазах населения квартиры. А мнение сожителей по подъезду в нейтральных водах тамбура меня не колыхало, оставаясь в лилово-фиолетовой части спектра...

Но эта спичка воочию показала, что щелевая свалка по-над брусом не бездонна. Более того — она таит угрозу нарушить чистоту в подъезде...

Удержит ли петля покойницу до моего отъезда?

В поисках чем бы как-то обнадёжиться, я выглянул из тени перегретого подъезда во двор. В расплавленном от зноя небе беззвучно проплывала эскадрилья чёрных воронов. Держат курс на юго-запад, — строго, неукоснительно, крыло в крыло. Все как один — планируют на неподвижных крыльях, — кому охота маяться с маханием в такой жарнице. Чёрные перьевые закрылки застыли враспырку, чтоб обдувало. Горячий воздух шуршит между...

Вот в чём вопрос: прорвусь ли?

~ ~ ~

Ира провожала меня на вокзал. Когда мы подходили к остановке автобуса, Пугачёва взрыднула вслед мне, от ближней пятиэтажки, недавним из её хитов:

"Приезжай хоть на часок!..."

Кладь при мне вполне ручная необременительная: портфель со сборником рассказов Моэма на Английском (мягкая розовая обложка, Московское издательство «Просвещение»), к нему впридачу краденый «Dictionary...» Хорнби; школьная тетрадь в линейку, 12 листов, два из которых покрыты наброском перевода начальных абзацев рассказа «Дождь» (карандашный черновик, исчёрканный множеством исправлений); трудовая книжка (первая запись от 13 сентября 1971 г., сделана отделом кадров Конотопского Паровозо-Вагоноремонтного Завода); паспорт; военный билет; бритвенные принадлежности.

Спутником портфелю — синяя спортивная сумка с плечевым ремнём. В ней одна пара трусов, две майки, пара рубашек, джинсы и курка геолога, пошитая матерью из плотно-зелёного брезента.

... .

Поднявшись в электричку, я забросил поклажу на тонкие трубки багажной полки, тянущейся по-над всеми окнами вдоль вагона, и вернулся на перрон.

Ира нервничала, что двери вагона захлопнутся, и электричка уйдёт без меня. Поднявшись на одну ступеньку в тамбур, я стоял там, зажав скользкий никельный блеск входного поручня в ладони: «Я кое-что оставил в спальне на подоконнике, пускай там и будет, пока не приеду».

— Что это?

— Сама посмотри. Приеду за вами ровно через месяц.

— Как доедешь, сразу же позвони.

Это был последний вагон. По перрону подбежала старуха, о чём-то спрашивала меня, но я не слушал и не слышал, а только смотрел на Иру, пока из вагона не раздался вопль динамиков: «Осторожно! Двери закрываются!» Те зашипели и с первого хлопкА отрезали меня от Иры.

Взлязгнув, электричка дёрнулась, потянула плавнее и перешла на полный ход, стуча по рельсам в Киевском направлении...

... .

В предстартовый вечер мы с Ирой выходили отовариться. Универмаг оказался запертым, но стеклянный киоск у него под боком ещё работал. Внутри сидела дебелая цыганка средних лет, у которой я купил новый станок для бритья, помазок, стоячее зеркало для тех же целей, и пару носовичков.

По полю каждого бежали синие волны тонких синусоид, символизируя море, а в центре — кружок, прочерченный не менее тонкой, но уже красной линией. В одной окружности был заключён кораблик с парусом, а на другом носовичке изображён стройный якорь.

Парусник поехал странствовать со мной, в кармане; платочек с якорем лежит на подоконнике. Когда приеду — совмещу кружок с кружком. Кораблик — на якорь. Это будет ритуал возвращения...

~ ~ ~

Ну, а когда совсем стемнело, тёща ударилась вдруг в панику, с тревогой стала делать мне мозги, что ехать никуда не надо, а билет на поезд Киев-Одесса ещё не поздно сдать обратно, в кассу предварительной продажи на вокзале.

Я чуть не ахху... ну, в общем... какая ещё сдача билетов! Ира и Тоня тоже подключились к разговору, и не хватало только тестя, срочно вызванного разгрести ЧП на ХлебоКомбинате.

Взгляд её увяз в клеёночной клетчатке под телящиком на столе, но Гаина Михайловна не торопилась его высвободить, а сбивчиво долдонила про сложность положения, и даже Ване не удалось пробиться...

Неделей ранее, Иван, муж Тони, зачем-то отправлялся в Закарпатье, на свою родину, но так и не доехал, вернувшись через день из Киева — я так и не врубился, что за дела ваще. Теперь он безвылазно отсиживался в схроне своей спальни, вместе с их своими малолетними детьми.

... .

На тот момент, я уже просёк, что мир безвыходно погряз в непрекращающейся битве — однако между кем и кем? Вот в чём вопрос!

Трясину противостояния скрывает, разумеется, маскировочная сетка жизни, для отвода глаз. Но сквозь поверхностный покров и дымзавесу будничных рутин, я постепенно начал подмечать прогалы, нестыковки, тайные сигналы. Всё чаще мне случалось уловить, когда неподалёку кто-то вдруг проговорится (сам того не замечая) о чём-то запредельном, что пребывает за гранями обыденности, которую хотят нам впарить — с настырной неотвязностью — за истинно реальную, единственно возможную действительность.

Что за неразборчивые перехваты? Улавливал-то от кого? Тут, в смысле, про людей такое?

Ну, допустим. Пока что мне не удалось настолько разобраться, чтобы найти им правильное погоняло...

Проговариваются? О чём конкретно? Как?

О вещах, которые нам сроду прививают видеть только так и не иначе, в определённых рамках — от сих до сих и ни микроном глубже.

... Ваню отрядили эмиссаром... ему не удалось пробиться... а вы за кого?... (пожар на ХлебоКомбинате лишь эпизод вселенской битвы)...

Кто на кого? За что воюют?

Наипервейшая задача — собрать осколки обмолвок, крохи рассыпанных частиц головоломки, которой держится подспудно спрятанная реальность, настоящая. Сложить их в нечто умопостижимое, и главное не сбиться с курса, не заплутать, по ходу, в полунамёках на то, что есть на самом деле. В той фундаментально утаённой зауми, идущей прежде всех и всяческих надстроек...

~ ~ ~

За чёрным окном гостиной грянула небывалая гроза. Шум ринувшей сквозь ночь воды перекрывался грохотом всесотрясающего грома при вспышках слепящих клинков молний. Нестерпимо белый столб огня ударил посреди двора, точняк по будке трансформатора. Крошечная непроглядность сомкнулась вокруг.

Тоня, наощупь, отправилась в спальню — успокоить Ваню и детей. Вскоре она вернулась, держа в руке горящую свечу.

В неверных бликах трепетного огонька, вдруг ясно различилось, что я говорю с Матерями. Да-да! Те самые, о которых слишком вскользь и с такой опаскою помянуто у Гёте...

Три Матери — вот они, тут: старая, но могучая; средняя, но многоопытная, и совсем начинающая — Ира. На неё нельзя рассчитывать, она ведь тоже.

Я должен убедить их, иначе ничего не выйдет.

С грозой, беснующейся снаружи, неосторожно подставляя свой профиль отражению свечи, мерцавшей в чёрной непроглядности стекла, буквально чудом я таки смог выпросить их позволение отправиться назавтра в путь...

А уже в заключение, их старшая чуть сбивчиво проговорила: «Если что-то случится, пойдёт не так... в совсем крайнем случае... обратись к Главному...»

... .

Ночью меня навещал вещий сон, где я находился возложенным навзничь на больничную каталку, пытался быть абсолютно неприметным в знобюще флуоресцентном свете, что изливался отовсюду: из потолка и стен... Возможно, из пола тоже лился, но утверждать не буду, поскольку, в целях слиться с окружающей средой, глаза я жмурил накрепко, для маскировки, таился изо всех сил...

Ламп вовсе не было, но всё вокруг тонуло в светоносной серости, которая стирала все без исключения тени, не позволяя им упасть даже в малейшем направлении...

Вокруг стояли кто-то, тесной группой в белом... Один из них, позади моей головы, и потому не видно кто конкретно, с уверенностью произнёс: «Если убрать жир, то может, и получится»...

Даже не глядя, я знал, что сказавший это — тоже я... Неприметно, чтоб себя не выдать, и оттого по!прежнему не открывая глаз, я их скопил на свой живот лежащего на каталке, где сквозь прозрачность кожи различалась тонкая прослойка чего-то мягко жёлтого — тот самый жир, о котором я только что говорил...

~ ~ ~

Выйдя в качающийся тамбур вагона, я взорвал косяк. В пыльном небе стекла автоматических дверей плыл табунчик морских коньков, подвернув хвосты колечком под брюшко, каждый под своё. Они держались строго по ранжиру, шеренгой — от матёрой морской кобылицы до малого жеребёнка, что заключал их строй. Такие же любители систематичности, как белые фигурки слоников, утерянных давным-давно.

Электричка надала, переходя на гроыхающий галоп, но не смогла оторваться от морского табуна...

В тамбур вышел мужик с рядочком медалей на груди его пиджака. Ветеран войны, уж он-то тогда точно знал, кто за кого.

Мы малость потрандели, не выдвигая особо отчётливых тезисов, а просто выказать взаимную дружелюбность, пока с очередной платформы к нам не вшагнул мужик помоложе, внося высокую вязанку реек.

Он разделил нас этим типа пучком розог для порки древних римлян их древними ментами, не отходя от места преступления, и прошагал внутрь вагона.

Ветеран вдруг смолк, испуганно уставившись в верхний угол тамбура, за моей спиной. Я знал на все сто, что угол пуст, но раз он углядел, значит что-то там таки есть. Оставив орденосца наедине с его находкой, — пусть уже сами разберутся, кто на кого — я вслед за ликтором зашёл в полупустой вагона, потому что в окнах под багажной полкой уже катили окраины Киева...

~ ~ ~

На вокзале я отнёс вещи в прохладу подземного лабиринта для хранения багажа. Вынырнув на поверхность, окаченную жаром привокзальной площади, я обогнул её до правого угла, где проскользнул в неприметный проход к длинным пролётам лестницы, нисходящей в глубокую лощину, где на самом дне стояла столовая, куда Лёха Кузько когда-то приводил меня и Ольгу.

Но затяжной спуск по лестничным пролётам, наконец-то, кончился, и я взорвал косяк, но очень скоро прекратил затягиваться, потому что от столовой навстречу мне топал взвод пообедавших ментов. Так и пришлось шагать сквозь строй правоохраны, с косяком тлеющим меж пальцев праздно опущенной руки.

После столовой, я возвратился на вокзал для его обхода. Стеклоглазых оказалось меньше, чем при ночном дозоре в Нежине, силами одного в поле воина. Вероятно, сказывалось время суток. Однако же здесь тоже попадались. При моём приближении, они спешно делали вид, что просто так тут оказались, типа как все, типа обычных пассажиров, которые куда!то едут.

Я поднялся на третий этаж, в комнату матери и ребёнка, объяснил вахтёрше, что через месяц буду проездом через их вокзал с женой и дочерью-младенцем, так что зашёл посмотреть условия. Ну, в общем, да, коридор тут вполне чист, спасибо...

У туалетов на первом этаже, молодой мент, с вызывающе фиолетовым фингалом, старательно отводил взгляд, хотя мы оба знали без подсказки, от и до, что фонарь под глазом ему привешен за мой пронос косяка через ментовский строй, и он, пострадавший во вселенской битве, мне этого не простит отныне и впредь, до смертного одра включительно.

Затем, довольно продолжительный период, я простоял столбом в зале ожидания на втором этаже. Передо мной расстилался необъятный стол «Союзпечать» под толстыми слоями всяческих газет, журналов, и писчебумажного товара. Но на протяжении стояния, я упорно не сводил глаз с одной и той же почтовой открытки с изображением синего-пресинего неба.

Ждать пришлось долго, покуда за спиной раздалось, наконец, шаги Почтительно при- молкший общевокзальный гул громадного зала придал им вполне слышную отчётливость.

Всё так же не сводил я с неба глаз. Шаги остановились. На ярко-синий цвет легла тёмная монетка, диаметром с радужку. Лишь после этого я развернулся вокруг своей оси, и ушёл не оглядываясь, — отныне никаким каузальным генам не под силу будет поменять цвет твоих глаз...

Уже посередине зала вокзальным репродукторам удалось-таки ко мне прорваться:

— Поезд Киев-Одесса отправляется от третьей платформы. Просим провожающих покинуть вагоны.

~ ~ ~

Вряд ли есть необходимость чрезмерно уточнять, что в те безыскусно простецкие дни коммуникационной девственности, ни в одном из наиболее безбашенных умов, среди его горячечно-нескромных грёз, не зарождалось даже мимолётных фантазий об установке камер наблюдения в местах общественного пользования.

Что же тогда (с учётом недоразвитости соответствующих технологий в описываемый период) стало причиной необъяснимой сцены, разыгравшейся вечером того же дня в очереди пассажиров, стоявшей на автобусной остановке перед Киевским автовокзалом?

Ответ может быть только один — бдительность таксиста.

(... в данном контексте, термин «причина» применён без углубления в многослойность его смыслов. Тут взято его устоявшееся в традиционном обиходе значение, которым и поныне пользуются «учёные умы» (да, в кавычках — их правильнее называть «полный отстой») в своём представлении реалий окружающей действительности, конвенционно и ортодоксально располагаемых ими в линейную последовательность схематизированно стандартной цепочки-континуума — «причина-следствие».)

Однако в период, о котором речь, я уже покинул пределы устаревшей этиологии, вследствие избыточно углублённой поглощённости отслеживанием хитросплетений в прерывистой и недовершённо сочленённой последовательности трансцендентальных знаков-символов различного объёма и содержания, являвшихся мне в неожиданных всплесках откровений, что побуждало и далее дерзать в изыскании новых, ускользающих, но таких манящих уровней всеобъемлющего понимания сопредельно реальной действительности, погрёбённой наносной, фальшивой и косной, легковесностью, с тем чтобы посредством провидческих озарений достичь истинного понимания мира и моей роли в нём, ведь «зачастую края могут приподыматься, ненадолго, и мы зрим то, что нам не полагалось...», цитируя достославного Американского трансценденталиста...)

. . . .

Итак, вернёмся к таксисту на стоянке такси, рядом со спуском в подземный зал хранения багажа, на Киевском Вокзале Поездов Дальнего Следования...

В 17:06 молодой человек лет двадцати пяти-семи, рост метр семьдесят шесть-восемь сантиметров, шатен, прямые волосы, подстриженные усы, — поднялся из подземного перехода. На нём был серый пиджак и серые брюки, несопадающего с пиджаком оттенка. Под пиджаком виднелась летняя рубаша синего цвета.

Заметно чем-то расстроенный, шатен сел в такси, где предложил водителю сходить вместо него в зал хранения багажа и принести портфель и сумку из автоматической камеры хранения, номер и код которой он предоставит.

Таксист, естественно, отказался.

Индивид впал в раздумье, покручивая горелую спичку в пальцах правой руки. Затем вздохнул, сломал спичку теми же пальцами, попросил немного подождать, и — скрылся вниз по ступеням перехода. Пять минут спустя, он появился снова уже с вещами и просьбой отвезти его на Киевский автовокзал.

Будучи доставленным в указанное место, пассажир расплатился, повесил сумку через левое плечо и, ухватив ручку портфеля также левой, захлопнул дверь. Синхронно со щёлкнувшим устройством дверного замка и якобы случайно, он вытер никелированную ручку дверцы правой полкой своего пиджака, уничтожая, по всем канонам криминальных фильмов, свои отпечатки пальцев. После перечисленных манипуляций, шатен скрылся в дверях автовокзала междугородних сообщений.

Что оставалось делать таксисту?

Естественно, он позвонил (из будки ближайшего телефона-автомата) оперативному работнику, с которым секретно сотрудничал под рабочим псевдонимом «Трактор».

Чему стала свидетелем очередь пассажиров, в которую влился и я, вернувшись из автовокзала, после посещения там мужского туалета и остолбенелого стояния, на протяжении пяти минут, посреди вестибюля, с безотрывным взглядом на многометровую улыбку стюардессы в синей форменной пилотке, запечатлённой на громаднейшем плакате: «Летайте самолётами Аэрофлота!»?

Рядом с остановкой резко затормозила машина марки «Жигули» ярко-красного, свежeproмытого цвета. Из неё вышел темноволосый мужчина в тёмных очках, подошёл ко мне и, протянув ключ зажигания в связке с различными остальными ключами, произнёс: «Садись в машину, сейчас поедем». Храня молчание, я отвернулся. Мужчина проследовал в здание автовокзала.

Вскоре два молодых человека появились из-за правого угла здания — один в милицeйской форме, второй в гражданской одежде. Оба заняли позицию справа от очереди. Из-за левого угла появился всё тот же мужчина в чёрных очках на пару со спутником невысокого роста, покрытого матерчатой кепкой. Они остановились с противоположной стороны очереди.

Человек в кепке (явный ханыга и алкаш) смешался с очередью пассажиров, приблизился ко мне и начал тереться сзади. Очередь непонимающе оглядывалась. Я безучастно стоял, держась рукой за ремень сумки, повешенной на плечо. Вторая рука, в это же самое время, удерживала портфель.

Омерзительную сцену прервало прибытие к остановке автобуса с надписью «Полёт» на борту.

... .

По пути в Бориспольский аэропорт, я не отвечал на недоуменные взгляды попутчиков, возвращаясь умственным взором к тому, чего не зафиксировала камера наблюдения (которую ещё не изобрели, что и привело к её отсутствию) в пустом мужском туалете Киевского автовокзала междугороднего сообщения.

Подошёл к наклонному жёлобу общего писсуара вдоль стены, я высыпал в него горчично-коричневую пыль всей дури, что была при мне. Упаковочный лист бумаги был смят и брошен в урну. Как обучили меня Французские криминальные драмы с Бельмондо в главной роли.

(... это свидетельствует о возможности программировать меня не только текстом, но также применением средств кинематографического воздействия.

Всю дальнейшую жизнь, вплоть до текущей ночи в этом лесу на берегах речки Варанда, я прожил до противности упёртым воздержанцем...)

... .

В аэропорту Борисполя я не воспользовался автоматической камерой хранения, а сдал вещи на полки общей: пускай уже прошманоут багаж и поймут, что незачем науськивать ханыг-провокаторов тереться об мой зад... .

Билет до Одессы на мимолётный самолёт из Москвы обошёлся в 17 руб., что не превысило наличного запаса из 20 рублей, отложенного для прожития до первого аванса на строительных площадках портового города-спутника... .

~ ~ ~

Одесский аэропорт за темнотою я не разглядел, и городским автобусом приехал на автовокзал, где билетные кассы были уже все заперты, но камера хранения работала, а в зале ожидания имелись скамьи для сидячей ночёвки.

Конечно, да, я чувствовал себя победителем, потому что сумел, несмотря ни на что, прорваться через Киев. Головокружение от успеха заверяло меня в полнейшей персональной неуязвимости.

Возврат к реальному статус-кво явился не слишком приятным, когда небольшая отара пассажиров сонным гуськом потянулась через заднюю дверь вокзала в утренний рассвет, на первый автобус.

В брезжащем свете зарождающегося дня, они прошаркивали мимо моей сидячей фигуры, запрокинувшей, в состоянии вязкой полудрёмы (всё с той же демонстративной наглостью победителя), голову — поверх спинки скамьи — на шее, беззащитно оставленной на милость посягателей, включая злонамеренные.

Боль от иглы, вонзённой правее кадыка, заставила меня ухватить свою кожу в районе сонной артерии. Конечно, никакой иглы там пальцы не поймали, но явственное ощущение воткнутой или, скорее даже, выдернутой впопыхах иголки не проходило. Последующие полчаса я морщился, время от времени пощипывая и потирая пустую шею...

Открылась билетная касса, и мне сказали, что на Южный рейсов нет, туда мне надо ехать автобусом местного сообщения, с автостанции № 3, что расположена у Нового Базара.

... .

Добравшись до указанного пункта, я изучил расписание движения автобусов автостанции, где строчка «Южный» неоднократно повторялась, я решил перед отъездом прогуляться, ведь это ж — боже ж ты, чёрт побери, мой! — это же Одесса-Мама! Я в Одессе! Ахху... ё-моё!

В конце небольшого зала (вернее, просто-напросто просторной комнаты) автостанции стояла всего пара секций автоматических камер хранения. Все их ячейки оказались запертыми, помимо одной — в самом верхнем ряду верхней секции. Я уложил туда ручную кладь, составил код, вбросил монетку «15 копеек» в щель и — захлопнул.

Замок не отозвался щелчком запираения, вот отчего ячейка дождалась меня незанятой.

Переложив документы из портфеля во внутренний карман пиджака, я потихоньку прикрыл дверцу, чтобы она не распаивалась. На гребне подкатившей, вздымавшейся как волнами, эйфории, я покинул станцию, чтобы войти в Одессу...

~ ~ ~

Не каждому на протяжении всей жизни, судьба даёт возможность впасть в состояние полного счастья. Мне удалось объегорить судебные власти. Более того, я могу указать время и место абсолютного счастья, что выпало на мою долю. Это — те недолгие часы моей первой прогулки по Одессе.

... .

Радостный свет солнца разливался по улицам, где проходил я. Вернее, меня уже не было, я растворился, обернулся частью всего вокруг, и всё являлось моим продолжением и частью в этом незнакомом городе, где каждый встречный-поперечный узнавал меня, где всем так долго пришлось ждать моего прибытия. Мне передавалось мысли встречных людей, я, ответно, думал им свои помыслы...

Вот радостно шагает женщина, гордая своей красотой.

... ах!... она хороша!

И она расцветает победно.

... но у меня есть Ира...

И женщина, погрузнев, склоняет голову, проходит мимо.

Кавказцу средних лет, что скучал на углу, озираясь зевающим взглядом, подбрасываю мысль — «Э, Джавад, я помню твой удар кинжалом!»

Скуки — как не бывало! Она скатилась прочь по горестно опавшим плечам. Ус дёрнулся, ошеломлённый вдруг всплывшим припоминанием вероломного выпада фехтующего Джавада, о котором, секунду назад, ни сном ни духом. Джавад, ты кто, э?!

... ладно, не будем о грустном...

Быстроногая стайка пионеров в алых галстуках и белых рубашках спешит мимо на торжества по случаю прибытия меня. Наконец-то с нами!

Захожу в большой книжный магазин, составить список будущих приобретений, общаюсь с продавцами и покупателями, не открывая рта.

Шагаю по ступеням неоднократно кинозвёздной лестницы, мимо памятника Ришелье, который в жизни не был кардиналом. В зелёной роще неподалёку — снова пионеры, но уже другое звено. Чересчур увлеклись наблюдением обыденных вагонов с товарами для порта.

— Пионеры! — кричу им. — Корабли красивее вагонов!

Оглядываются, машут, улыбаются Узнали меня!

Таксист отвозит меня в ресторан «Братислава», в пути объясняет, по-братски, что в будние дни — это столовая. Но сегодня праздник — мой приезд, и ему тоже известно, что это — долгожданный я.

~ ~ ~

Свершив омовение рук и лица водой из-под крана в туалете, я поднялся на этаж выше, в громадный зал для одного меня. Откуда ни возьмись возникла официантка одиночка, чтобы мне было у кого заказать суп.

Она отходит, а мне вдруг бросилась в глаза складочка на белой скатерти стола — кто-то неловко обращался с утюгом. Мне достаточно возложить ладонь на скатерть и повести рукой, слегка. Складки — как ни бывало...

... ну ещё бы, столькпришлось пелёнок переглядить — сниму любую складку, одним только прикосновением, запросто...

Приблизилась официантка и вышла снова, не нарушая тишины в тенистом зале. Приступаю к супу; рыбный, по рецептам портового города. На невысокой эстраде неподалёку, торжественно и понимающе хранят молчание динамики и усилители отсутствующей ресторанной группы.

... и что бы такое послушать?... что-нибудь лёгкое... ладно, пусть будет The Smokie...

Щёлкаю пальцами.

Ни звука.

... что?! Разве я не всемогущ?! или тут у них по-другому включается?

Тут-то и грянуло оно, сокрушительное, как неожиданный удар в сплетение, чувство прощёта. Где-то случился непоправимый промах. Я допустил жуткую ошибку.

Совсем не могу есть этот суп. Рис превратился в ракушки, стёртые в порошок, и те осели на дно тарелки слоем мелких перламутровых осколков.

... где-то что-то катастрофически не то... что-то упущено, или не так истолковал... но что?!

В напряжённом раздумье, я начинаю похаживать между столов, туда-обратно. Подошедшей официантке объясняю, что я не могу есть, я что-то забыл.

— Что?

— Мой пиджак в туалете, — говорю первое, что взбрело на ум.

И в тот же миг распахивается дверь зала, аккуратненький пенсионер провозглашает, что мой пиджак внизу, в раздевалке.

Я спускаюсь вниз — к барьеру раздевалки, где женщина, с неповторимо сочным Одесским говорком, вручает мне пиджак, доставленный старичком из туалета.

— А карманы же ж полные были, — говорит гардеробщица с горьким укором, понятным нам обоим. Это она сказала, что Солнечный Город меня всё же дождался и одарил всячески, а я растерял дары из-за непростительно глупой ошибки, хоть и не знаю какой.

Я уныло иду наверх — расплатиться за суп из молотого перламутра...

~ ~ ~

Это как в той настольной игре — поднимаешься всё выше и выше по извилистой тропке из цифр, а потом проваливаешься в трубу, прочерченную до самого низа. Вззыхх!...

Я выкатился на улицу из ресторана «Братислава», где сознательно оставлял пиджак в туалете, потому что у него в кармане мои документы и деньги, а я уже достиг и оказался в новом блистающем мире, где уже и близко не нужны ни в деньги, ни в документы.

. . . .

По пути к автобусной станции, замечаю длинную прореху в своих штанах. От бедра. Шов лопнул книзу от правого кармана, поверх ляжки. Дальше иду прикрыв дыру снятым пиджаком с пустыми карманами — рассыпал, не смог сохранить подарки...

Распахнутая настежь ячейка автоматической камеры, где я оставлял портфель и сумку — пуста.

На последний рубль я купил билет до Южного и, вместе с копейками сдачи, сунул в задний карман.

Автобус битком, пассажиры тесно стоят в проходе. Моя соседка по сиденью неслышно вздыхает, и всё трёт и трёт несводимое пятно на ткани своей юбки. Но никакие чистящие средства из Аравии его уже не смогут...

Я знаю — она запятнана из-за моей промашки. По моей неведомой вине.

Душный автобус тормозит перед всеми и каждым, красным от гнева, светофором. Потом он застревает в долгом ожидании на перекопанной траншеей улице, пропуская нескончаемую дружину унылых пионеров, что плетутся в пыли вдоль земляных куч... Кругом я виноват — испортил праздник...

Мало-помалу автобус таки выбрался из города. На остановках пассажиры безвозвратно его покидают. Но я дождался и сошёл на предпоследней — неправильно явиться в Южный с дырой, как рана от копья в бедре у Спартака.

. . . .

На окраине посёлка, я почтительно поприветствовал пацана лет двенадцати, затем попросил иглу с ниткой. Он понимающе отвёл меня в укромную заросль бурьяна, позади ограды из неравномерно крупных параллелепипедов светлого камня в кладке стены с толстыми швами раствора.

Он убежал, чтобы вернуться с другом, который имел при себе иглу на длинной чёрной нити.

Пацаны уселись на забор, спиной ко мне. Сняв штаны, я начинаю зашивать лопнувший шов. По ту сторону каменной стенки, визжат тормоза, режут и грохочут моторы машин по трудным дорогам нескончаемой вселенской битвы...

Дружки сидят, типа они не при делах, и это не за их спиной, в густых бурьянах, член РВС штопает набедренную рану...

С признательной, нескрываемой благодарностью, я вернул иглу, а в ней достаточно ещё длинный отрезок нити. Уже один, опускаюсь под Яблоню, достаю «Беломор», закуриваю, а остаток полусожжённой на своём же пламени спички вгоняю в землю целиком, чтоб хорошо угасла.

О! Как она взвыла! Истошным, отчаянным воплем — та пегая корова под соседним деревом, вскинув свою морду к небесам с протестом и жалобой...

Да ведь не знал же я! Всё слишком тесно переплелось одно с другим, так посросталось!

~ ~ ~

Потом я брёл через густой Ивняк, а в небе высоко над ним зависла распростёрши крылья крупная, как аист, птица. Он реял там не сдвигаясь, на одном месте, почти неподвижно. Крылатый сонм сопровождения помельче, тоже не шевелясь, приклеились к небесной тверди по обе стороны от аиста...

... так вот где — вышний Главный... Бог ты или Дьявол, или Что уж там ещё, — мне не понять... суматошный мир сплетён в чересчур неразборчивую путаницу... и вот он — я,

без всего, только документы, карманный блокнот, ручка и платок с небольшим парусником... пора нам заключать договор, ведь так же оно вроде принято?

Достаю ручку и автобусный билет. Без понятия, как составлять подобные контракты, я просто ставлю подпись под колонкой цифр, выбитых кассовым аппаратом автостанции № 3. Ручку кладу в карман, а билет — на листья гибкой ивовой развилки. Оборачиваюсь спиной к документу — играем по-честному, без подглядки.

Дуновение, подобно шелестящему порыву ветра, взвихрило кусты... Когда я обернулся, билет всё так же возлежал в той самой развилке, однако перевернут обратной, чистой стороной кверху... так вот какая у тебя подпись? чётко! такую не подделать...

Из зарослей я вышел к высокому кирпичному зданию, что смахивало на центральный склад завода КПВРЗ, и там стал спрашивать у встреченных, где отдел кадров. Мне сказали, что всё уже закрыто, но после второй смены будет автобус в город, мне надо подождать.

~ ~ ~

Ждать довелось долго, потом я долго ехал через ночь маленьким автобусом ПАЗ. Попутчики, по двое-трое, сходили на тускло освещённых улицах, пока водитель не велел и мне покинуть совсем уже безлюдный салон ПАЗа, на углу просторной пустой площади.

Впереди мерцал жёлтый свет фонарей в узкой улице, и я пошёл между её заборов, потом свернул налево, на следующем раздорожье повторил этот выбор. Сухое цоканье когтей по асфальту шло следом, за моей спиной, не отставая. Судя по звуку, пёс был здоровенный, но я совсем не боялся и не оглядывался, а продолжал медленно идти.

Но вот впереди открылась всё та же широкая площадь, и я остановился, не доходя метров двадцать, потому что тут был мой пост. Жёлтый свет фонаря удерживал свой одинокий столб внутри просвеченного колпака-конуса. Но я оставался вне жёлтого круга, неясно разлитого по асфальту... Ему никак не дотянуться до моих ног.

Из чёрного силуэта пятиэтажки слева, украдчивой рысцой, пересекла дорогу кошка — раствориться в тёмном дворе хаты справа, с дощатым забором, где её встретило восторженное бряканье собачьей цепи. Свиданка противоположностей. Порой даже рабам перепадает...

. . . .

Ночь продолжалась, а я стоял не шевелясь, делая вид, что даже не догадываюсь, и не имею отношения к невыносимо скрежещущей кутерьме за горизонтом, где, визжа металлом, стопорилось движение гигантских шестерней вселенского механизма — из-за моей непоправимой ошибки...

~ ~ ~

Когда у меня за спиной затормозил самосвал, я обернулся, но не уступил дороги, а только вскинул вверх правую руку, потому что — это мой пост.

У сидящих в кабине отсутствовали головы, непроницаемо чёрная мглистость отрезала их им по самые плечи, облитые фонарным светом из жёлтого конуса.

Шофёр, когда спустился из кабины, оказался с головой, и даже в кепке. Он бережно отвёл меня в сторонку. Я не противился.

Освободив дорогу, он сел обратно и уехал, увозя второго, с аспидно-чёрной тьмой на плечах. Чёрным прочертились на дороге следы его покрышек. Так оставлять нельзя — вселенская тьма станет распознаться, следуя этим чёрным вехам. Я принялся затирать путевказчики подошвами моих туфель. Надолго ли хватит обуви?

В ответ поднялся ветер, со стороны площади прибежала распахнутая газета, потёрлась об мою ногу. Я различил заголовок: «Гробница Князя». Долго же ты добиралась, голубушка. Она шелестнула прощально, и поскользила дальше пританцовывая по уличному асфальту.

Небо посерело... Утомлённая псом, но довольная, кошка осторожно перешла дорогу, обратно к своей пятиэтажке. К своей барской повседневной жизни, на чердаках высшего света. Жалобный скулёж отчаяния и всхлипы звякающей цепи звучали ей вслед.

Наступил рассвет нового дня, но я всё так же стоял на посту, покуда женщина в белом не прошла вдоль дальнего края площади, справа налево, к углу, который не просматривался от моего поста.

Вскоре старуха в чёрном проковыляла в том же направлении, толкая детскую коляску. Но я знал, что в коляске нет никакого младенца. Это она толкает яйца. Белые, круглые как шары бильярда. Яйца. Гроздьями.

Мне стало ясно, что уже можно оставить пост, и я взошел в безлюдье площади...

Всё дальше и дальше уходил я, не нарушая тишины пустых улиц, пока не свернул в открытую дверь проходной.

В тесной дежурке, я попросил воды у высокого старика в чёрной робе, в очках и кепке. Он дал мне стакан воды, и мы на пару пристально следили: проглочу ли я чёрную соринку, что плавала кругами по поверхности?

Я выпил до дна. Соринка прилепилась к стенке стакана. Чёрный старик сказал мне, как пройти в Бюро по трудоустройству...

~ ~ ~

Бюро оказалось запертым, но потом пришла женщина с ключом, и открыла. Я сказал ей, что ищу работу, а она ответила, что нужно подождать ещё одну работницу, которая скоро придёт.

Неподалёку от бюро нашлось открытое молочное кафе. На оставшиеся копейки, я купил большую бутылку молока, но выпил только половину. Сколько вместилось в объём высокого стакана из тонкого стекла. Над ним я повторил прощальные слова Ромео, произнесённые с отравой в кулаке: «Пью за тебя, любовь!» А потом выпил.

К моему возвращению, вторая работница успела появиться. С первого же взгляда безошибочно опознавалось, что — это Смерть, а которая пришла первой — Любовь.

Смерть проверила мои документы и раздражённо объявила, что я уже побывал в разводе, но Любовь только улыбнулась, отвечая ей: «А и что такого?»

Потом она вышла в другую комнату — позвонить куда-то, а я остался с недовольной Смертью, в которой проступало некое сходство с Ольгой. Наверное, окрасом волос, хотя и подлиннее.

Вернувшись, Любовь сообщила, что мне нашлась работа в Одесском Шахтоуправлении, и теперь нужно пойти на Площадь Полярников, найти там главного инженера. А ещё напомнить ему про машину, а то она забыла по телефону сказать. Машину для Марии. Хорошо? Он знает...

... .

Главный инженер сказал, что в Управлении для меня нет места, а только есть работа в шахте, крепильщиком. Но у меня же высшее образование.

Довольно торопливо, я его заверил в покладистости своего образования, которое никоим образом не помешает исполнению моих трудовых обязанностей под землёй, уж это точно!

Тогда он меня послал в кузов грузовика, что молча дожидался рядом с управленческим крыльцом на площади.

Машина тронулась, и вскоре город уплыл за горизонт. Из пространства над головой исчезла густая сеть проводов коммунального электроснабжения и связи. Кроме меня, в кузове ехал высокий и белый, но явно навидавшийся, хлебнувший в жизни всякого, холодильник. И ещё пара чёрных цепей. Своим строением, из одного семейства с бензопильными, но помощнее и более длинные.

Они казались парой змеИщ, совокупившихся в случке и, в непрерывной тряске на колдоёбинах дороги, неумолимо подползали к моему личному пространству по днищу дощатого кузова.

В посёлке, озаглавленном «Вапнярка», грузовик свернул на территорию производственного вида. Инженер высунулся из кабины и сказал мне сбросить цепи из кузова.

С облегчением, я сошвырнул хищных, похотливых тварей в широкую лужицу, хотя рядом хватало и сухого места.

— Ты что творишь? — взвопил главный инженер, хотя и видно было, что ему понравилась моя расправа.

Водитель грузовика поволок утопленниц в распахнутую дверь склада. Потом мы заехали в жилой район посёлка, где перетащили холодильник в один из коттеджей в группе дачных домиков, обнесённых общим низеньким штакетником. Главный инженер сунул шнур в розетку — удостовериться, и холодильник удовлетворённо заурчал.

— Чуть не забыл, — сказал я, — Мария просила прислать машину.

На самом деле, я помнил эту условную фразу всю дорогу, просто выжидал момент предельной подходящести...

... .

Главный инженер объяснил, как пройти к уличному крану. Я пошёл туда, снял пиджак, обмыл ладони и руки до коротких рукавов рубашки, а также лицо и шею. Пара милиционеров, со звёздочками в погонах, стояли сбоку от меня, с другой стороны — тоже офицеры и в таком же точно количестве, однако форма общевойсковая.

Они вчетвером терпеливо ждали, покуда я плескался, потому что я — с главным, и, после омовения, никакой игле уже не прокусить кожу моей шеи. Потом я закрутил кран и утёрся крохотным носовичком, что вмиг промок.

Покинув посёлок, грузовик продолжил путь, транспортируя только одного меня на весь кузов. Шоссе нырнуло в прямой глубокий спуск, а справа вдруг открылась бескрайняя пустота. Необозримый беспредел.

В растерянности, я не сообразил, что это. Однако миг спустя, пространство шевельнулось, пришло в движение, белые гребешки длинных волн побежали к берегу. Так, это же море!

Я вынул блокнотик и, после сверки с квадратом циферблата на запястье, вписал по внутренней стороне задней обложки:

«20 июля, 1979

13: 30: 15

Ира

Сергей

Лилиана»

Шоссе снова устремилось вверх. Одолев подъём, грузовик свернул на грунтовку влево и, через околицу посёлка, выехал в поле, где просёлок продолжился впритирку к лесополосе. Спустя ещё два километра, в конце затяжного уклона показались два-три строения барачного типа.

Дорога миновала их, а сотней метров далее, закончилась широкой впадиной карьера. На дне его стоял домик с вывеской «Шахта Дофиновка». Рельсы узкоколейки тянулись мимо конторских окон к тёмному зеву тоннеля, что прорезал отвесную стену котлована.

~ ~ ~

В троице обшарпанных, но живучих кресел (благодаря выносливости подлокотников), за парой наглухо зашторенных окон, в комнате сидели трое.

Ближе всех к занавескам углового окна, располагался мастер шахты, рыжеватоусый, лет сорока пяти, что подтверждалось довольно поредевшим количеством волос на его темени.

Из кресла от стены напротив, главный инженер, весело посмеиваясь, делился новостью о моём швырке цепных змей в лужу. Бурное веселье рассказчика, не встретив и малейшего отклика, сникла, и главный инженер прекратил нагнетать излишний ажиотаж. Его предупре-

дительно напряжённое внимание к сидящему напротив свидетельствовало без всяких околичностей, — кто тут в натуре главный.

Из кресла по правую руку от мастера, под вторым окном, я, по его требованию, протянул свой паспорт, испытывая неловкость за довольно-таки задрипанный вид моей ксивы.

Он раскрыл книжицу и, не прикасаясь, повёл правой ладонью над страницами.

Буквально на глазах, бумага документа ожила и преисполнилась до хруста прояснённой жизнью, как будто прямиком из типографии. От неё даже стали исходить лучики эктоплазменного свечения. Неясный свет из недр бумажной структуры.

Заворожённо, главный инженер и я воззрились на происходящее — чудес нам не дано творить. Теперь не оставалось места ни малейшему сомнению, что я таки сумел дойти до Главного...

(... издавна покинув твердь небес, принял Он облик мастера заштатной шахты. Имя? Всуе поминать не след. Могу лишь проблаговестить, что отчеством Себе избрал Он — «Яковлевич»...)

. . . .

Потом я сказал, что мои вещи пропали на автостанции в Одессе, денег нет, а мне надо позвонить жене, она там беспокоится.

Мгновенно протянув мне тёмно-синюю пятирублёвку, главный инженер синхронно объявил, что жить я буду в общежитии, которое у въезда в котлован карьера.

Мне не требовалось особых пояснений, что общежитие, как и сама шахта, всего лишь обманчивая иллюзорность для легковверных простачков и лохов не от мира сего, в котором нужно быть постоянно начеку. Поэтому я выщипнул коричневатую пушинку из сложенного вдвое денежного знака и, технично ненавязчивым жестом, плавно переложил мягонькую метку на исцарапанный подлокотник — мы тут все понимаем друг друга, не так ли?

Глава

~ ~ ~ Якобы Шахта

Помимо исполнения своих непосредственных обязанностей — сперва на должности крепильщика, а впоследствии помощника машиниста камнерезной машины, не говоря уже о более краткосрочных работах и заданиях — я непрерывно пребывал в напряжённом поиске ответа на вопрос: что кроется за видимым фасадом непосредственного окружения?

Стремление к хоть мало-мальской ясности не оставляло меня и в Одессе, куда я нередко наезжал позвонить в Нежин с переговорного пункта междугородней телефонной связи на улице Пушкинской. Откуда деньги? Занимал в общежитии до аванса или зарплаты у Славика Аксянова или его жены Люды.

. . . .

В этом, скажем так, общежитии, переделанном из якобы коровьей фермы, насчитывались четыре (ну, допустим — 4, чтобы не усложнять) комнаты, по обе стороны длинного коридора, что из конца в конец пронизывал всё одноэтажное строение барачного типа.

В одной из комнат обитала молодая бездетная семья Аксяновых. Соседнюю занимала Бессарабская семья с годовалым ребёнком. Из-за следующей по коридору двери изредка появлялся пожилой электрик-одиночка.

Мне досталась комната в противоположной стене коридора. Решётка в единственном окне помещения требовалась, как меня неоднократно пытались убедить, для сохранности рации. Которая там, разумеется, отсутствовала.

Прежде чего бы то ни было прочего я извлёк из окна железную раму с прутьями того же металла, и разместил её снаружи, в чашу густого, доросшего до подоконника бурьяна. Затем я побелил стены и весь вечер напролёт вёл непрерывные баталии с мириадами вампиров, прикинувшихся комарами. Моим холодным оружием служила газета, свёрнутая в трубку.

На следующее утро Славик Аксянов, в крайне измочаленном состоянии замордованной внешности, поинтересовался, чем это я весь вечер занимался, по окончании ремонта.

— Сафари, — кратко отвечал я, не вдаваясь в подробности, — по его виду и без пояснений сам собой напрашивался вывод, что бедолага едва жив, после вчерашней газеты.

. . . .

Остальные двери коридора стояли запёртыми как в замке Синей Бороды, за исключение первой направо от входа, где находился душ. . .

Работники шахты прибывали утренним грузовиком из пары посёлков: Вапнярка и Новая Дофиновка. Подъезжая, они гикали и свистели в кузове как черти, но сами себя называли махновцами.

Раз в два дня какая-либо пара их наполняла вместительный бак душа водой, которую натаскивали из небольшой халабуды в овраге, метров за тридцать от общежития. Она таила в себе глубокий колодец с ведром, прикованным цепью к железному вороту. Электрические тэны нагревали содержимое бака задолго до окончания рабочей смены.

. . . .

Чуть на отшибе, ниже по склону от барачного общежития, среди высоких трав различался верх будки одноместного сортира с жестяными стенками. Дверь отсутствовала, и потому к сооружению следовало приближаться с каким-либо упреждающим насвистыванием, чтобы не застать сидельца в позе орла на жёрдочке. . .

Через проём отсутствующей сортирной двери открывался бесподобный вид на водную гладь лимана и на его же противоположный обрывистый берег.

~ ~ ~

(...возникшее сто лет назад понятие «поток сознания» существует и поныне, предполагая будто человек способен мысленно (т. е., про себя) комментировать происходящее вокруг, или случайно думать о чём-то постороннем, не имеющем ничего, на первый взгляд, общего с тем, что вокруг него творится.

Первым литератором, применившим идею «потока», принято считать Ирландца по имени Джеймс Джойс, хотя сам он делал попытки подставить некоего Француза, у которого якобы перенял приём. Однако задолго перед этим, хоть и в меньших масштабах, «поточные» размышления отмечались у несостоявшейся тёщи князя Мышкина, в романе «Идиот» Фёдора Достоевского.

Таким образом, «поток сознания» явно из разряда открытий, которые приходится делать неоднократно и в различных местах, на всякий, чтоб не затерялись. Сам же «поток», вкратце, доводит до сознания людской расы, что человек способен обмениваться мыслями с немного призадумавшимся самим собой.

Пережитое мною в то сумасшедшее лето 79-го, которое на поверку оказалось самым прекрасным летом в моей жизни, вряд ли можно назвать «потоком сознания». Поток? Помилуйте! И близко нет! Нахлынуло половодье — безудержное, освежавшее каждое из моих пяти чувств, держа их в постоянной неусыпно напряжённой настороженности.

В круг, с которым я общительно обменивался мыслями, входил не только сам я, но и каждый встречный-поперечный, будь то хоть мелкий камешек на пыльной обочине дороги.

Один раз вместо камешка там валялась костяшка (пластмассовая, от беллого домино с чёрными крапушками: "пусто-три").

— Ну а кто бы сомневался! — сказал я ей, — Ничто ниоткуда не берётся и никуда не исчезает. Закон сохранения материи с уроков Бинкина.

Иногда я приставал даже к ночным звёздам, что влажно мерцали в тёмно-лиловой вышине.

— Нет, ну вы такое видели?

А те, с высокомерным безразличием, отвечали: «Видали и похлеще, и не только тут». И продолжали перемаргиваться дальше, как миллионы миллионов лет до нашей эры.

И меня ничуть не напрягало такое вулканическое извержение непрерывного мыслепотока. В конце концов, человеческий мозг использует всего лишь 10% заложенного в нём природного потенциала. Так пусть разомнётся, сметёт паутину и пыль скопившиеся в остальных процентах!

Разумеется, в рабочее время интенсивность моего одиночного мозгового шторма несколько снижалась — рабочее место казалось более статичным и устоявшимся, по сравнению с ежесекундными переменами жизненных обстоятельств на улицах большого города. Однако с гордостью могу констатировать, что даже на глубине 38 метров под поверхностью Земли, интенсивность моей умственной деятельности значительно превышала убогий 10%-ный стандарт...)

~ ~ ~

Шахта «Дофиновка» добывала «кубик» — трёхмерные каменные блоки 20 см х 20 см х 40 см, вырезанные из подземных залежей известняка. Для этой цели из котлована, образованного давно выработанным карьером, круто, но не вертикально, углублялся центральный, он же стволовой тоннель, от которого там внизу, под 38-метровой толщей других напластований, расходились штольни — (тоже тоннели, но пониже и поуже) — как ветви от ствола дерева.

В конечной точке каждой такой ветви-штольни стояла камнерезная машина, которая и нарезала «кубик» из стены перед своим носом.

Такова общая картина с высоты птичьего полёта, если, конечно, умеешь зреть насквозь до упомянутых глубин земной тверди...

... .

Ну, а в частности, ментор, обучавший меня тонкостям крепильщицкой профессии, носил звучное княжеское имя времён древней Руси-Матушки — Ростислав. Однако на него он не откликался, имя звучало слишком чуждым даже для него лично. Для всех он являлся Чарликом, и по-другому его никто не величал.

Прежде всего, он повёл меня в штольню Машины № 3, потому что трепетал перед её машинистом, которого Чарлик именовал исключительно по отчеству — Капитонович. Будучи мелким бесом, Чарлик всячески подлизывался и лебезил перед Капитоновичем. То был заслуженный рогатый, когда-то отмотавший срок в десять лет.

Мы с Чарликом шагали с фонарями в руках. Перед спуском в шахту, ламповщица Люда Аксянова, давала каждому фонарь в её пещере, налево от входа в стволовой тоннель. Внизу, без света, оказываешься в такой кромешности, что невозможно различить тонкие рельсы узкоколейки на изредка подложенных шпалах. Один спотык и — навернёшься так, что мало не покажется. Не снабжён людской организм рефлексамии для падений в темноте.

Вот почему в шахте на всех, поголовно, — пластмассовые каски, а перед спуском вниз, рабочий день начинается твоей распиской в общем журнале, что тебя только что ознакомили с правилами техники безопасности, и теперь ты осознал, на что идёшь. Такова традиция.

Температура в шахте неизменно плюсовая, даже зимой. Постоянный штиль и глубоководная, непривычная ушам тишь переполняют штольни, если только никто ни с кем не разговаривает, или не шумит механизм, работающий неподалёку...

... .

Мы шли и шли вдоль тесной узкой галереи, правая стена — сплошной камень в засечках от камнерезной пилы, а стена напротив скрыта кладкой из обломков кубика, уложенных насухо. Кладка довольно высока, примерно по шею, всего полметра не достаёт до низкого потолка, который в шахте называется «кровлей», однако об этом чуть позже...

Пара небрежно протянутых поверх кладки проводов типа «гупер», в белой изоляции, сопровождали нас всю дорогу.

Наконец, далеко впереди замерцал тусклый жёлтый свет, пробившийся сквозь корку плотной пыли на двух электро-лампочках. Камнерезная машина стояла не шевелясь перед лицом глухой стены, и Капитонович сидел, в тишине и безветрии, на её открытом сиденье, в ожидании нас. Он обходился без помощника из-за своей мечты: однажды заработать 300 руб. в месяц.

Каменная стена проходки перед машиной (4,5 м x 2,5 м) была уже расквadrачена бороздами «зарисовки» — глубокие параллельные пропилены от одной боковой стены до другой пересекались такими же вертикальными, от потолка до пола, и образовывали торцы будущих кубиков. Теперь вгоняешь лом по центру «зарисовки» и выламываешь кубик. Затем ещё пару-другую близпропиленных кубиков, пока не образуется ниша достаточная, чтоб остальные выламывать кувалдой.

Капитонович ждал нас, потому что за минувшие пару дней его машина продвинулась далеко вперёд от места, достигнутого узкоколейкой.

Продлив железную дорогу двумя парами 4-метровых рельс (подвезённых днём ранее), мы с Чарликом создали возможность подгонять вагонетки на 8 метров ближе — для укладки на них кубиков, наломанных из «зарисовки». Однако в шахте вагонеток нет, их там именуют «вагонками» или «капелевками».

(...не исключаю, что в честь белогвардейского генерала Каппеля, но за достоверность предположения не поручусь...)

Сошедшую с рельс вагонку называют «забурившейся сукой». Для разгребания подобной ситуации, два-три рабочих вскантовывают вагонку обратно, вручную, после того, как освободят от груза, упираясь рогом по полной — в шахтном обиходе метод именуется «пердячим паром».

Впоследствии маленький шахтный локомотив приедет из карьера и вытащит вагонку нагорá, попутно прицепляя «капелевки», что дожидаются на выходах из прочих штолен.

. . . .

Напиленные в стене проходки кубики обламываются не идеально, поэтому (перед началом наброска дальнейшей «зарисовки») особо выдающиеся куски камня сшибаются всё той же кувалдой. Эти обломки, а также брак — кубики, обломившиеся слишком коротко, либо расщеплённые вдоль из-за трещин в породе, — служат материалом для продолжения кладки насухо под боковой стеной штольни. Без этой кладки-перегородки некуда было б девать песок.

Откуда тут песок? Когда машина, мешая натужный вой электромотора с лязгом цепной пилы по камню, делает пропи́л в стене, из-под цепи фуганит длинная струя песка, а не опилок. Щит из металла и стекла прикрывает машиниста от секущих струй, но не от пыли.

Высокий песчаный бархан растёт и ширится вокруг машины, и если эту грудку не перелопатить в «карман» (пространство между кладкой и стеной штольни), не будет места для узкоколейки.

. . . .

В ознаменование нашей трудовой победы в путеукладке, Чарлик снимает каску с головы и садится, подложив её под зад словно горшок под воспитанника ясельной группы, который делает «а-а». Это комфортнее, чем опускаться на пол или на песок, или на каменный обломок, он же «бут».

Закурив «Приму», стрельнутую у Капитоновича, он и с осторожным подхалимажем задаёт вопрос — а что бы оно значило, вон то широкое кроваво-красное пятно в камне стены по правую руку.

Капитонович, с важной оттяжкой, выдвигает объяснение, мол, когда тут было море, на нём пароход горел, а как пошёл на дно, то отложился в породе красным. Чарлик с готовностью хихикает, а я отгоняю ненужные мысли, что «десятка» — это стандартный срок за убийство; потому что Капитонович мне нравится.

. . . .

Прежде чем уйти в остальные камнерезные штольни, мы крепим кровлю. Для этого Капитонович врубает машину, чтобы под самым потолком боковой стены пропи́лить ряд коротких горизонтальных щелей. Ломая ломом перепонки между щелями, получаем глубокую нишу с квадратным входом (20 см х 20 см).

Точно такая же, и таким же точно методом, производится ещё одна ниша, в стене напротив. Теперь в одну из дыр мы с Чарликом запи́хиваем конец не слишком толстого бревна, насколько влезет.

Второй конец приподымаем к противоположной нише и заводим внутрь, но не до упора, чтобы не выдернуть бревно из первой. Это бревно называется «площАк». Площак мы подпираем двумя брёвнами покороче — «стоякАми» — впритык к боковым стенам. Крепление кровли шахты — готово.

. . . .

Откуда взялись три бревна? Проще некуда — отошли метров на тридцать вспять, в темноту штольни, и выдернули какое-то из предыдущих креплений. Откуда же ещё? За весь период моей работы в шахте «Дофиновка», туда поступили ровным счётом три бревна.

Я собственноручно в карьере обдирал кору с них приспособой «струг» (типа топора приваренного на конец лома, остриком вперёд), перед тем как Славик Аксянов увёз брёвнышки — (голыми до белизны подвенечных платьев) — на капелевке в стволовой тоннель. Так что кровля в штольнях держалась на сэкономленных материалах...

Иногда кровля начинает «капать» или «дождить». Симптомом служит треск, а с потолка отрываются и падают на пол куски породы. Типа обвала, но не наглухо.

Чарлик попал под такой «дождь» у меня на глазах, когда выдёргивал очередной «экономленный» площад.

Ему повезло, он лежал в «кармане», между стеной и кладкой, на высокой, почти до потолка песочной куче. У каменной плиты, капнувшей с кровли, не оставалось места для разгона и другого выбора, кроме как просто лечь ему на грудь, мягко так. Не слишком крупный каменный кусок, полметра на полметра и толщиной в десять.

Он вылез из-под обломка, и у него сразу нашлась собственная «Прима». Закурив, Чарлик комфортно сел на горшок из каски, и тут же начал вспоминать Алика Армянина.

Когда над тем «задожило», Алику пришлось пятиться шестнадцать метров, задом-наперёд. Бегом конечно. На развороты времени не оставалось. Кровля трещит и валится, — «дождь» догоняет. Так вот и бежал, пятками вперёд, вопя, как оглашенный: «Ебал шахту! Ебал деньги!» — однако в спешке, не успевал выговорить кто именно.

Без имени — конкретика теряется. Да, морфологически, можно угадать, что исполнитель был мужского рода и действовал в одиночку. Однако в целом — информация расплывчата...

В общем, кровля шахты, она — не крыша в привычном понимании...

~ ~ ~

Помимо действующих штолен, в шахте есть ещё и заброшенные, где пригодный пласт камня выработан и дальнейшая проходка бесперспективна, а то и слишком опасна. Ход в такие штольни замуровывают бракованным кубиком (уже помянутым «бутом»). При закупорке штолен кладка ведётся уже не всухую, а на раствор — пресечь возможное возникновение сквозняков.

Однако не все заброшенные штольни замурованы. Однажды мастер показал мне аварийный выход. Как раз такая вот незамурованная штольня выводит в бывший стволовой тоннель, где в былые времена вагонки по рельсам передвигались лошадьми. Бывший стволовой тоже брал начало в стене карьера, однако выше нынешнего.

И, разумеется, шахта из дней минувших тоже имела свои штольни... Когда Чарлик в отпуск ушёл, и я остался крепильщиком-одиночкой, то в тех штольнях площадки выдёргивал.

Один раз возвращаясь в новую половину шахты, в штольню машины № 4, такой весь гордый и довольный — ну, как же! в одиночку бревно припёр. Ещё и остро тупым концом: «Машине № 4, по спецзаказу, прямиком из Рио-де-Жанейро!»

С плеча бревно сронил, а эта сука — тресь! — точняк пополам. Слишком древний материал оказался.

Но всякие сплетни, будто я по заброшенным штольням без фонаря шастаю — полная брехня.

. . . .

Толчком к подобным домыслам стала моя привычка выключать фонарь, если рядом ещё чей-то светит.

Сам не пойму зачем, ведь всё равно же — после смены — Люда его на зарядку поставит.

Чёрный провод от лампы фонаря уходит в брезентовую сумочку с ляжкой, чтобы носить на плече. А в ней аккумуляторная коробка с цифрой, писанной от руки. Фонарь с корявой «16» на коробке — это мой.

. . . .

Однако в заброшенных штольнях я его не выключал, и один раз в его луче заблестала неземная красота. Издалека.

Смотрю, и не пойму никак — что оно там такое белое отблескивает пониже кровли, посреди оглушительно немой подземной тишины.

Описать невозможно, Ну, как бы вроде клочкасто-лапчатая инопланетная структура, чисто белая; или же из глубин океана, куда батискафы не доныривают. А в узловых местах

её строения — крохотные блёстки типа толчённых бриллиантиков. Переливаются под светом фонаря. Красиво — аж даже жуть берёт.

А у меня топор в руке, для проверки площаков на гнилость. Топор просвистал в темноте, поверх луча, и белизна опала на пол. И — вместо необъяснимой красоты — стою над широким плевком. Тут только мне дошло, что это гирлянда плесени была.

Потом ещё такие же гирлянды попадались, но всё только коричневые — в наказание, что чистую красоту убил.

... .

Вскоре Чарлик вернулся из отпуска, и на шахту поступил Вася. Он стал крепильщиком, а меня перевели помощником машиниста камнерезной машины.

Конечно, не так уж романтично, как шастанье по древним штольням без фонаря, и машина уши рёвом набивает, а нос и рот завязан повязкой от пыли, которая столбом, но зато — ба! Знакомые всё лица! Братки не разлей вода: Лом, Совок и КувалдОметр!...

~ ~ ~

Однако всё вышесказанное являлось таким лишь на первый, непросвещённый взгляд. Что же на самом деле производила шахта «Дофиновка» под негласным надзором Главного из главных, он же Яковлевич?

Да разное. Кому что... Jedem das Seine.

Инженера шахты Пугачёва, с его пирамидально правильным носом, который возникал внизу раз в месяц минут на пять, интересовало только золото. Вернее — золотой песок. Прицкнет клыком в золотой фиксе, и у машиниста негромко спрашивает: «Что, есть песочек сегодня?»

Когда я (непреднамеренно) услышал, как он это говорит, то начал после каждой смены вытряхивать карманы своей робы. Меня на золото не купишь! Тем более, что без понятия, как превращать песок в презренный металл... Толик, машинист с машины № 2, аж опупел, когда увидел, от чего я избавляюсь.

Но там из него точно золото изготавливали, а потом под видом алюминиевых отливок штабелевали в бурьяне, рядом с общежитием. Точь-в-точь как слитки банковского золотого запаса, только цвет алюминиевый, для маскировки конечно.

Мастер мне (почти что прямым текстом) так и сказал, когда мы с ним наедине проходили мимо: «Такая ценность, и никто не догадается поднять. Валяются тут»...

А откуда, и с какой целью на шахте по добыче камня возьмутся алюминиевые слитки?

~ ~ ~

Что же касается самих кубиков, то здесь вопросов нет — это души. Машина № 5, например, где машинистом Гитлер или же Адольф (ну, во всяком случае, никак иначе его никто не называл, а только Адольф или же Гитлер), производила людские души.

Иван, с машины № 1, громко обижался, что когда его вагонки наверх выкатят, то много кубиков бракуют, а от Адольфа — да хоть и треснутые, или, там, короткие, короче: всякий «бут» — проходит!

Но если вдуматься, то так оно и есть — ведь много попадается людей с изъёмами души. И, что парадоксально, его тёзка (Гитлер) столько душ погубил, а этот тут под землёй их на тьяляп штампует да ещё над Иваном подсмеивается.

Для кого пият души остальными машинами, я могу только догадываться. Архангелам? Демонам? Титанам?

Вот это-то и удручало меня сильнее всего — моё невежество. Да, я конечно чувствовал, что я — избранный, но при этом оставался до слёз безграмотным избранным, типа пешки в игре, правила которой известны всем, кроме тебя.

... .

Продвижение к пониманию шло методом проб и ошибок, наощупь, по наитию. Иногда случались озарения, как в том случае, когда после смены я поехал на грузовике в Новую Дофиновку за съестным на завтрашний обед.

Среди рабочих, стоявших в кузове, находилась женщина в годах, а на голове — косынка. Грузовик как раз отъезжал от общежития, в дверях которого показалась Бессарабка с ребёнком на руках. «Ой, какая деточка-красавичка!» — с этими словами женщина распустила косынку у себя на голове и повязала заново, но уже по-другому как-то...

Вернувшись домой через поля вдоль лесополосы, я зашёл в свою комнату, но отдохнуть не получалось — годовалая девочка Бессарабской семьи захлёбывалась визжащим криком, а её мать, не зная как унять ребёнка, носила её по коридору — из конца в конец, качала на руках, напевно приговаривала «а-а-а!», но безрезультатно.

Я плохо переношу детский плач, но общежитие не электричка, где можно перейти в другой вагон. И вдруг мне вспомнилось, как попутчица по кузову перевязала свою косынку на другой манер, нахваливая этого, тогда ещё молчавшего ребёнка.

Выйдя в коридор и молча, но упорно глядя на мать младенца, я вынул мой платочек из кармана, развернул его и сложил заново, но уже на другую сторону, после чего отправился в овраг, достать воды из колодца.

По возвращении, меня встретил радостный взгляд женщины-Бессарабки — девочка у неё на руках была совершенно спокойна, а на голове у неё появилась косыночка завязанная узлом на лбу. Бинго!

... .

Но случались и осечки тоже. Петух, напыщенно гулявший у входа в общежитие, не принял моих добрых намерений. Он с презрением отвернулся от предложенных ему крупинок синьки для освежающего полоскания белья, которую кто-то забыл на широкой лавке у входа.

Попытка внести разнообразие в рацион птицы проистекала из добрых побуждений, с опорой на только что обрётённое знание: в тот день открылось мне, что сочетание синего и чёрного есть знаком силы. Петуха, в его чёрных перьях, склонутая синька обратила бы в петухо-Гордзиллу!

~ ~ ~

Подтверждение тому, что меня, как избранного, фактически оберегают, состоялось в тот момент, когда ко мне подкрадывался стеклоглазый. Причём из самых, несомненно, злонамеренных побуждений...

... .

Есть стеклоглазые и стеклоглазые, они разнятся между собой, и вполне распределимы на три несовпадающие категории.

Возьмём для начала тех, у кого остекленелость органов зрения сочетается с ярко выраженной белизной глазных яблок. Такие — безвредны. Они, безусловно, одержимы, однако остаются всего лишь инструментом, средством сбора информации — как оно тут что?

Данная разновидность — всего лишь орудие, своего рода подзорная труба, но и не более того. Куда перетекает информация? Кто получатель? Наивный вопрос — к бывшим обитателям Олимпа в их нынешней, конечно, ипостаси. Они ещё со времён античности освоили метаморфозы, им форму поменять, что два пальца... ну, и так далее.

Отличительная черта стеклоглазых из второй категории — это мутный блеск, разлившийся по поверхности белков. Они работают сами на себя, выскивают, где бы «кровцы испить», или как-то иначе подзарядится на твой счёт.

— Там будет подземный переход для людей, но и нам тоже можно, — одна из таких сказала мне, явно приняв за своего в незнакомом и плохо освещённом районе ночной Одессы.

Перед этим я спрашивал, как пройти к автовокзалу — их излюбленной кормушке. Как раз такие и поджидали меня, поторапливая гардеробщицу ресторана «Братислава», чтоб

меньше базарила, (но то был не пустой базар, а разговор исполненный глубокого смысла, понятного нам обоим, хотя не каждый из двух в равной мере и до полной ясности понимал суть беседы), да поскорее отправляла б уже дичь за дверь — меня с разодранным бедром...

. . . .

А при прохождении медицинской комиссии для трудоустройства (задним числом, недели через две) для сдачи крови на анализ меня подбросили до вапнярского медпункта.

Войдя в кабинет, я обнаружил там (помимо медсестры в белой униформе) тучную даму в штатском, с уже помянутой мутной туманностью глаз. (Стеклоглазость второй категории.)

Расселась, понимаешь ты, на кушетке, а между губ, из уголка их, свисает длинное гибкое жало защитного цвета. Тут медсестра спешит меня заверить, что трубка — это всего лишь зонд, а и дама нам никак мешать не станет.

Будто бы я по глазам не вижу, какого пошиба эта дама, и что ей тут конкретно надо.

Затем, согласно обычной рутине, медсестра палец мне проколола, сдавила и тут!... Вместо обычной капельки крови из проколотой подушечки, палец вдруг выдаёт миниатюрный фонтан! Толщиной с иголку, как из соска кормящей женщины при сцеживании. Но с молоком по цвету отнюдь не совпадает. Я в жизни ничего подобного не видел!

И изумился не только я один: у дамы — челюсть нараспах, и этот якобы зонд вот-вот выпрыгнет. Ну чисто тебе шакал-ханыга, который вымолил сто грамм, а ему в стопку, всю трёхлитровую банку самогона вху... вхлопнули, то есть... вуй! сколько добра пропало!

. . . .

Но насчёт кроводобычи клыкобурением — это всё бабушкины сказки для малолеток. Они заправку производят неприметно, используя весьма эффективную (хотя не до конца понятую мною) технологию...

~ ~ ~

Тот стекломутноглазый промысловик из второй категории, который хотел подпитаться мною, подкатил к общежитию на «Волге», в качестве шофёра своего начальника. Там в коридоре имелся также редко отпираемый кабинет, куда являлись желающие сговориться с инженером о вывозе кубика из навала перед конторой шахты на дне бывшего карьера. И это стало предысторией последующего проишествия.

В тот день, как обычно, я поднялся на-гора победать в общежитии, и мыл руки под рукомойником на столбе в непосредственной близости от входа.

Меня стеклоглазый не знал, будучи проездом, и подкрадывался ко мне с оружием наготове — артефакт из якобы алюминиевой проволоки странной конфигурации, общая длина ориентировочно составляла сантиметров двадцать.

Заметив мутную стеклянность, разлитую в его глазах, а также охотничью мягкость походки, которой тот подкрадывается, я понял, мне — каюк.

Он сократил дистанцию до самой минимальной и, когда ему оставалось всего лишь вскинуть свою закарлючину, серый котёнок выпрыгнул вдруг из травы и тернул за гривком о чёрную штанину моей робы.

Стеклоглазый браконьер мгновенно утратил всякий интерес, опустил оружие и разочарованно ушёл за руль машины. Неизвестный спаситель котёнок, которого я никогда — (ни прежде, ни впоследствии) — в окрестностях не видел, вновь скрылся в траве...

. . . .

Но в основном приходилось полагаться на свою собственную осмотрительность. Как на том узком галечном пляже под обрывом Чабанки...

Я хотел поплавать в море и уже вошёл в спокойные медленные волны, но... остановился. — Два рыбака, в плавках и с удочками в руках, стояли на паре отдельных валунов, между мной и морем.

Ширины разделявшего их пространства вполне хватало, чтобы проплыть между. Однако я успел понять, что удочки — это шлагбаум, запирающий путь в необозримую водную ширь. Пришлось дожидаться момента, когда оба они, синхронно, вскинули свои удочки (а неплохо клюёт!), и уж тогда нырнуть под набегающую волну, а затем свободно плыть дальше — прочь от пляжа.

. . . .

Плыл я долго, порою отдыхал, лёжа на воде и удивляясь — почему это мой отец говорил, будто солёная вода моря поддерживает пловца? Никакой разницы с лежанием на пресной воде...

Затем я снова принимался плыть, главным образом на спине, жмурясь лицом к жару солнца, сверкавшего в ярком небе, пока не ощутил толчок в плечо.

Оглянувшись, я увидел чуть глубже поверхности белесовато-прозрачное тело медузы, широкой как таз. Я обплыл её и продолжил путь, но затем медузы стали встречаться всё чаще и чаще — огибая одну, утыкаешься в следующую.

Приподнявшись торчком из воды, я посмотрел вперёд и увидел, что их тут скопилось непроходимое стадо, и своими полупрозрачными телами они превратили спокойные, блестящие солнцем волны в какой-то медузий кисель.

Мне не хватило отваги переть напролом, раздвигая их скопище, я развернулся и поплыл обратно, к уже довольно-таки далёкому берегу...

~ ~ ~

Пляж Чабанки покрывала разноцветная, достаточно крупная галька, но попадались и полосы влажного песка. На одной из таких полос у самой кромки воды, я хотел написать ИРА, но волны не позволяли.

Они набегали и заравнивали бороздки в мокром песке, прежде чем получалось выписать все буквы, и я только зря раскровянил палец об неприметно мелкие осколки ракушек, пока не сдался...

. . . .

А первая моя встреча с морем состоялась на пляже Новой Дофиновки, куда я пошёл после работы, вдоль берега морского лимана, который дотягивался аж до общежития. Вода в нём гладкая и очень прозрачная. Я шёл пока не увидел в ней лысые автопокрышки от грузовика, которые какой-то скот скатил туда по склону берега.

Пришлось мне снять штаны и зайти в мелкую воду, чтобы вытащить этот хлам. Но за следующим поворотом лимана я увидел, что дальше в нём вообще свалка — жизни не хватит, всё то повытаскивать, а уже вечер. Дальше пошли заросли камыша до самого шоссе, за которым — одно только море...

Когда идёшь просёлочной дорогой от шахты в Новую Дофиновку, то иногда над полями висят громадные корабли. Корабли эти, конечно же, не висят, а стоят в море, которое неприметно сливается своим горизонтом с небом. Поэтому смотришь — поле, а над ним корабль и, чуть касаясь его носа, переливается красным огромный шар заходящего солнца.

Эти корабли, из-за своей громадности, не помещаются в порту, вот и вынуждены стоять посреди неба с морем...

~ ~ ~

Со Славиком Аксяновым мои отношения сперва оставались ровными, и даже вполне. Хотя любым беглым взглядом различалось, что в прошлой жизни он служил Нацистским офицером в лагере смерти, или же начальником пересыльного пункта на Колыме, а в нынешней чересчур склонен тянуть на себя общее внимание пустыми базарами. Но, невзирая и вопреки, я ему помог пилить доски для семейного топчана...

. . . .

Расстояние между Чабанкой и шахтой составляло километра два. Примерно, как и до Новой Дофиновки. Однако в дофиновскую сторону дорога шла в сопровождении густой лесополосы, а посреди пустого поля близ Чабанки, за мной постоянно увязывались мухи — целым роем. Летят и не отстают.

А мне вовсе не хотелось привести «хвост», и тем самым раскрыть местоположение якобы шахты. Пришлось разработать чёткий способ сброса мух с хвоста. Потому что в магазинчике Чабанки выбор съестного оказался шире.

За 20 метров от шахтного общежития стояло длинное строение бывшей фермы. Оно-то и стало моим «шлюзом дезинфекции», как на любом и всяком космическом корабле, прилетевшем исследовать неизвестную планету.

Захожу с дальнего конца и — (сопровожаемый эскортом из мух) — шагаю в конец, выходящий к общежитию. Зачув дух навоза из дней былого, рой впадал в растерянность и рассыпался кто куда — в активный поиск того же, но посвежее. А я тем временем спокойно выхожу на воздух, с продуктами из Чабанки, без единой жужжалки за спиной...

~ ~ ~

Славик попросил в конторе разрешение сорвать несколько досок с пола фермы, реликвии животноводства, чтоб сделать топчан под себя с женой. К ним ожидался приезд Славиковой тёщи.

Вот мы и надёргали из фермы материал для предстоящего предмета мебелировки. Вполне даже крепкие доски оказались, просто прибиты чересчур длинными гвоздями, однако с нами лом имелся.

По окончании заготовки, он задался вопросом размеров запланированного изделия. А у меня на тот момент уже была определённая, чётко структурированная система нумерологии, доведившей заложенный в цифрах смысл до неоспоримой ясности.

Так, например, в помянутой системе «22» означает «смерть», «24» — «жена», «10» — «секс», и так далее. Всё апробировано личным экзистенциальным опытом. Остаётся просто подставлять значения с учётом сложившейся ситуации.

Исходя из назначения изделия, предлагаю Славiku самый оптимальный вариант длины: 2 метра 10 сантиметров, то есть, «10» на двоих — самое оно для молодой семьи.

Но он упёрся!

— Хочу 2 метра и 30!

Ну тебе виднее, чего ты там хочешь...

... .

Он раздобыл «козла» откуда-то, на которых дрова пилят, и мы начали. Доску на козла, рулеткой две отметки и — погнали!

А когда остановились перекурить, Люда, жена его, проходит мимо к общежитию. И, указывая на козла пальцем, с явным отвращением заявляет Славiku: «Даже не надейся, что я на эту гадость лягу!» И ушла, такая вся возмущённая, а я окончательно убедился, что она — часть иного мира. Какая нормальная женщина «козла» не видала?

Плюс к тому, Люда умела читать мысли...

... .

Я однажды зашёл к ним в комнату, Славик в телевизор залип, и борщ наяривает. Я сказал, что спасибо, я не голоден, сел возле двери и жду, пока добьёт свою хавку. А у него за спиной — холодильник, а на холодильнике — зеркало, лицом вниз положено, а у зеркала на рамке — две пластиковые ножки сзади, чтобы стояло, когда оно не в лежачей позиции.

А с того стула, где я сижу, такая открывается картина: Славик упорно ест глазами телевизор, и ложкой лопатит борщ себе в утробу, а из волос его вытарчивают две зелёные ножки в форме изогнутых рогов, ну, типа лиры, только без струн, они-то зеркалу, конечно, ни к чему.

Вот тут я и подумал (совершенно мысленно): «Эге! Так ты не только Нацист, но ещё и рогатик оказывается!»

На что жена его мне ответила, более чем красноречивым взглядом: «А кто ты вообще такой, чтоб пересчитывать скелеты в нашем семейном шифоньере?»

После чего, демонстративно так, подошла к холодильнику и заровняла торчащие рога Славика с общей плоскостью верха — ножки ведь шарнирные.

И доедал он уже безрогим. Благодаря супружеской поддержке Люды, читавшей мысли.

... .

Ну в общем, когда Славик тот аэродром из половой доски к ним в комнату уволок для испытательных полётов, какая-то, как видно, нестыковочка нарисовалась. Через три дня он эту взлётную полосу в бурьяне ножовкой укорачивал. Вот это и называется: метод проб и ошибок в действии.

— А шо он ото клеплет? — спросил один махновец другого, когда проходили мимо.

— А то ж как будто бы не видно — станок ебальный.

— А-а...

А что ещё можно ждать от мужиков? Не умеют они изящно преподнести — нумерологически. Нет, так и ляпнут навпрямки...

А когда его тёща приехала, он вообще звереть начал. Приходил ко мне в комнату и рожи корчил. Цель его гримас насквозь просматривалась.

Это он хотел меня до сумасшествия довести...

~ ~ ~

Один раз Иван, машинист машины № 1, позвал меня пообедать с ним и его помощником, у них в штольне. Иванова жена в Одессе работала, в столовой какого-то военного училища, где обучались также Негры из стран пробудившейся Африки. Ну, так эти Афро-Африканцы, когда спросянок, не очень-то и голодные, судя по количеству провизии, что она оттуда приносила.

Как сдвинул Иван крышку с алюминиевой кастрюли, так там до краёв — всё сплошь мясо на рёбрах, правда, без гарнира. Мы втроём — Иван, его помощник и я — насилу гекатомбу ту приговорили. Костей получилась целая куча. На песке, рядом с опустошённой 5-литровой кастрюлей.

А тут Славик какую-то запчасть попросить пришёл, и от зрелища того обглоданного натюрморта каннибалов — аж затрясло беднягу. Рожу уже без всякой симуляции перекосило. Должно быть, тещин супчик вспомнился.

Возможно, вследствие такого стресса, даже спустя несколько часов, когда жильцы общежития наслаждались прохладой позднего вечера, на досках широкой скамьи у входа, он на меня буром попёр.

Зачем-то даже один слиток из золотого запаса в бурьянах выхватил, двумя руками над головой вскинул и — в меня запустил.

Красивая картина получилось — полная луна изливается ясным светом на дугообразную траекторию, по которой летит слиток, посверкивая белым якобы алюминиевым цветом, на фоне бархатистой темноты роскошной приморской ночи. (Или я ошибался? и шахта, всё же, добывала платину?)

Тут уже мне пришёл черёд убежать вольным стилем Алика Армянина, — пятками вперёд. Жена Славика, Люда, увела домой Циклопа с арены показательных выступлений...

... .

В своё следующее посещение Одессы, я зашёл в юридическую консультацию, чего совсем не планировал, всё так спонтанно вышло. Просто вывеска на глаза подвернулась. Там я спросил, без обнародования имён и географических координат, рекомендаций на случай, когда сосед по общежитию достаёт.

— Обратитесь в комитет комсомола вашего предприятия.

Ну, блин, и эти из иного мира. Говорю ж — они уже повсюду.

Глава

~ ~ ~ А Ты За Кого?

Да, но если Главный из главных — это Яковлевич, то кто тогда, чёрт побери, главный инженер?

Угадать несложно — кто антипод Творца? Князь тьмы и повелитель всех нечистых во всей его красе. Кто ж ещё.

Это сразу замечалось даже по их отношениям — уважительный, но вооружённый нейтралитет.

Вспоминается, как стояли они в стволовом тоннеле, и говорили с глазу на глаз — воплощённая корректность! Мастер, в его чёрной робе, и главный инженер, в пёстрой летней рубашечке, а сверху широкий носовой платок вокруг воротничка заломил, чтобы пыль не садилась. Ему б ещё пробковый шлем вместо пластмассовой каски и — готовая картина «Я тут босс!» Хотя, конечно, мир подземный — его хозяйство-вотчина.

(... ты можешь возразить: возможен ли контакт меж столь диаметрально противоположностями? Не забывай — шёл двадцатый век, когда все настолько переплелось и спуталось, что элементарная Геометрия уже не помогала...)

~ ~ ~

Я занял позицию сочувствующего Мастеру. Он мне понравился просто так, без пропаганды или фокусов типа размножения рыбы с хлебами, и такое прочее. С меня фактически хватило и одного чуда — когда омолодил мой паспорт.

Кстати, главный под Главным тоже предьявлял свои верительные грамоты. Как будто кому-то ещё не дошло!

. . . .

Явился во время обеденного перерыва типа как провести профсоюзное собрание трудового коллектива. (А то как же! Что за преисподняя без профсоюза!)

Собравшиеся расположились под деревьями вокруг фермы, которая внутри общежитие. Он перед всеми на стул уселся, туфли снял, а заодно и носки. Типа, ну, вот ведь глупость, а? Все эти сплетни про мои копыта! Нетути!

Но мне-то баки не забьёшь! На уши не повесишь лапшу иллюзорности.

Чертяки махновцы разлеглись в траве в своих чёрных робах. Только я в белой нейлоновой рубашке, которую под спецовкой носил, а каждый вечер постирывал, когда в душе мылся.

(... нейлон для стирки идеален — шесть секунд потрёшь и чистый, а сохнет и того быстрее...)

В виде корректной, хоть и ехидной реплики, я каску снял. Без слов. Типа — ты тут бескопытность надумал демонстрировать? Ну, так полюбуйся на мою безрогость! А остальные, кто пришёл из шахты — все поголовно в касках. Особенно Славик Аксянов.

И в таком раскладе минут десять попрофсоюзились, как вдруг невесть откуда петух кукарекнул.

Батюшки-светы! В одну секунду главный, который не Главный, носки — по карманам! Ноги голяком в туфли вколотил и — ходу! А к нему враз, как из-под земли, выскакивает байкер. В чёрном весь. «Косуха», штаны и даже каска чёрной кожи, как на шахтёрах в кинохрониках про первые пятилетки.

Вжиик! — усвистали в сторону Новой Дофиновки. Не ясно разве? Кто когти рвёт при крике петуха?

. . . .

Не то, чтоб я затевал конфронтацию с... ну, скажем... главным инженером, однако трения случались. Как в тот раз, когда у заднего конца общежития самосвал ссыпал кучу угля

на зиму, а я весь тот антрацит в кочегарку перелопатил. И уже в конце дня, является он из Вапнярки и спрашивает, да ещё высокомерно так: «Ну, что ты хочешь? Трёшки хватит?»

Меня заело — полдня на солнцепёке карячился, а он тут типа подачку последнему ханыге предлагает. Ладно, ты — князь тьмы, но так и я ж как-никак — избранный, хотя и беспросветный.

— Нет! — грю. — Пусть мне заплатят по расценкам.

— Так ты и этого тогда не получишь.

. . . .

Веры в него я не испытывал, а на следующий день взял отгул, и поехал в Одессу, на Площадь Полярников. Мне в коридоре показали дверь главного бухгалтера, на которой фамилия: Вицман.

И только я шагнул в тот кабинет — на столе главбуха телефон задзинтилинькал, тот снимает трубку: «Вас — слушают».

(... да, вот буквально так, слово в слово «Вас — слушают». Чисто, гладко, безлично. Ни с какого боку не укулупнёшь. Ай, да Вицман!...)

Излагаю суть — секундально усекает, и достаёт толстую книгу в мягкой серой обложке «Единые Нормы и Расценки», отыскивает, что там насчёт погрузочно-разгрузочных работ сыпучего угля, и даёт прочесть.

Так там, чёрным по белому стоит, что если бы я лопатил в Заполярье — для оплаты по наивысшим, северным коэффициентам, и при этом каждый совок трижды обносил вокруг всего общежития, прежде чем швырнуть в окно кочегарки, — тем самым накручивая расстояние при перемещении груза, — то и тогда, по расценкам этой нормативной библии, мне полагается 1 руб. 20 коп.

(... и открылось мне, не прозревавшему истины дотоле, что мастерам, прорабам, инженерам и т. д. и т. п. — в ножки кланяйся, работный люд, за туфту, которую они рисуют в нарядах на исполнение работ. Без приписок их, рабочий класс вымер бы давным-давно, а с ним совместно семьи их безвинные.

Молись за благодетелей своих, хлеб твой насущный подающих, О, пролетариат!

Но какой падел гнусный все те тарифы составлял? Я б с ним, по-братски, лопатой поделился...)

. . . .

В другой раз выплату аванса задержали, и я главного инженера на дому посещал, в Одессе. По случаю субботы отгул не понадобился.

А окопался он возле Горбатого Моста. Собственный домик. Жена и сынок пятиклассник. Сказал жене угостить меня стаканом томатного сока домашней выделки. (Ага!...)

Всё как положено — красная такая, густая солоноватая жидкость. А как откажешься? Маргарита тоже пила, на ежегодном балу Воланда в Москве.

(... зато чай я до сих пор завариваю по чёткому рецепту, как он поделился...)

В тот вечер он ещё и воспоминаниями делился, про трудовую деятельность в Арктике, где после работы клал пару кирпичей на электроплитку, а сверху жену сажал, для приведения в рабочее состояние на ночь...

~ ~ ~

Один раз нечистые затеяли попытку путча — хотели изменить расклад стратификаций мира. За день до этого инженер Пугачёв нарисовался в общежитии, и открыл одну из запертых дверей коридора, под видом раздачи продовольственных продуктов до зарплаты.

Я по коридору проходил, мне Славик Аксянов из комнаты кричит: «Иди, тоже получай!»

Пятёрка махновцев посреди пустой комнате, и ящик с пачками «Примы» на столе без стула. Пугачёв им выдаёт по пять-десять пачек каждому.

Продукты питания, да? Боеприпасы!

— Нет, спасибо, я «Беломор» курю.

На выходе уже, спиной слышу, как Славик чертей мотивирует: «Не бойсь! Молодость всё спишет!»

. . . .

На следующий день в Одессе не работал ни один светофор. Творился полный кавардак. Посторонние люди орали друг на друга. Троллейбусы прыгали, как угорелые. Стрельбы, конечно, не слышать, потому что сам путч иного уровня.

Однако по моим оценкам, не прокатило у красных дьяволят, поскольку я успел купить «Атлас Мира», тонкий буклет с описанием обоих полушарий, в мягкой нежно-салатовой обложке.

~ ~ ~

В Одессе тех дней, самым устоявшимся и общеупотребительным выражением одобрения было «то шо любишь!»

— Ну, то как вам последний Сонечкин жених?

— То шо любишь!

А вместо «нет» говорили «хуй маме!»

— Так, шо? «Черноморец» выиграл или шо?

— Хуй маме!

Но поскольку вокруг была Одесса-Мама, это звучало даже патриотично.

. . . .

В скверу на Дерибасовской росли невиданные деревья, словно бы сбросившие собственную кору. Прямо тебе нудисты, или всё-таки, Платаны?

Вечерами там играл духовой оркестр, почти как во времена Иоганна Штрауса, только реже.

А в другом парке, но уже в дневное время, я нырнул в бассейн с пятиметровой вышки. В полёте аж ветер свистел в ушах. Чуть позже два парня тоже спрыгнули, держась за руки, то есть «бомбочкой», — пятками вниз. На одном из них носки были, чёрные. Это так они мой след заметали от нежелательных «хвостов»...

. . . .

На переговорном пункте междугородной телефонной связи, в начале Пушкинской, меня однажды неслабо прикололи. Я заказ сделал и вышел за дверь, распахнутую вровень с тротуаром, и только лишь папиросу закурил — внутри динамики орут: «Нежин! Кто-нибудь ожидает Нежин?»

Я папиросу — в урну. Заскакиваю: «Я! Я ожидаю!» А телефонистка за барьером в свой микрофон: «Ну, так и ожидайте!» Весь зал прям грохнул... Это опять меня от чего-то спасали.

Один там мужик стоял. Его номер соединили. «Челябинск на линии! Кабина № 5!» А он, перед тем как идти куда сказано, разочарованно так: «Э-э!» Вот это просвещённый! По одному только номеру кабины уже наперёд знает, чем разговор закончится.

. . . .

С Одессой я познакомился довольно хорошо, в основном пешком. Нашёл Публичную библиотеку № 2, и Привоз, где грузчики толкают перед собой вокзальные тележки с криком «Ноги! Ноги!», чтоб толпа им дорогу уступала.

И там же на Привозе старая Цыганка на меня заклятье наложила по своим канонам, когда я ел гроздь винограда. Я даже и не понял за что, но ей виднее, а может просто под горячую руку подвернулся, в неподходящую долю секунды...

«Фабрика Желудочного Сока». Кто бы вообразил, что и такие предприятия бывают?!

Скамья, что окольцевала старинное дерево напротив белого, с головы до носков его ботинок, Ленина в одноимённом парке, служившая для съёма партнёра к перепихону на скорую

руку. Я сел на неё дать отдых моим неутомимым ногам, прежде чем угадал предназначение приспособы. Нет, спасибо, я верный супруг и прекрасный семьянин...

Когда я проходил через дворы пятиэтажек, мужики, что вечно там «козла» забивают, начинали громче по столу костями трахать, чтоб кошек спугнуть, которые целились перебежать мне дорогу. Тоже союзники...

~ ~ ~

А до Одессы я автобусом ездил, только пару раз пешком. Там всего 20 км, ну, или около того.

Один раз прогулялся от Вапнярки до Новой Дофиновки вдоль моря, по высокому берегу. В одном месте какая-то военная установка стояла, за забором из колючки. Часовой заорал, что мимо них нельзя ходить, подошёл, стал документы требовать.

Я ему через проволоку свой платочек показал, с парусником. Он сразу понял, что уровень иной: «Ладно, проходи по-быстрому».

С той кручи вид очень красивый. Море спокойное, почти гладкое, но искрится и взблёскивает под солнцем. Иногда ветер набежит и ерошит воду, — получается рисунок галактики. Спиральные, в основном. Ветер их срисовывал с облаков, зависших над морем...

~ ~ ~

В трамвае № 5 маршрута на пляж Аркадия, я Серого встретил, который в стройбате пахана из себя строил. Только удивительно малость — четыре года прошло, а он такой молодой, и почему-то на нём форма морского курсанта, — бескозырка, ленточки за спину висят.

Я рядом стал, негромко так спрашиваю, ему на ухо: «Серый, это ты?» Он никак не отреагировал, не шевельнулся даже, хотя меня наверняка расслышал, курсанты ж медкомиссию проходят... Может, решил затихариться в мичманях.

. . . .

А в другой раз это отец мой оказался, возле газетного киоска. На отца совершенно не похож, я его только по голосу и узнал. Именно этим голосом он изображал душегуба, которого начальник лагеря довёл до нового убийства.

Когда он ко мне заговорил, я прикинулся, будто слишком углублён в рассматривание портрета психиатра Бурденко на обложке журнала "ОГОНЁК". Тот за стеклом висел внутри киоска. Так что отцу вместо меня уже продавец отвечал.

(... подобные встречи кого угодно вынудят задаться вопросом: что за дела вообще? Однако тут без монады не разобраться.)

Монада — это такая прибабаса Германского производства для содействия философам, которую всякий понимает по своему. Для кого-то это может быть единичностью из совокупной множественности, а для другого — множественностью из совокупных единичностей.

Например, когда парень спрашивает девушку: «Я для тебя один из многих или из многих один?» Так здесь, как раз таки, второй «один» в его вопросе и есть та самая монада, хотя, возможно, и наоборот...

В одной Индийской библии, помещена красочная картинка ребёнка, где тот ползёт по траве, а на шаг впереди него бежит пацанёнок, перед которым шагает мужчина и вот-вот нагонит согбенного старца, а дальше опять только зелень травы. Картинка называется «Круг Жизни». В смысле, из ничего — обратно в ничего.

И нарисованные там, — все вместе — составляют единую монаду, поскольку они всё один и тот же человек.

Теперь остаётся лишь предположить, что монады способны составляться по каким-то другим признакам, например, по тембру голоса, и всё становится на свои места. Смотри каким концом к тебе монада развёрнута: отсюда — твой отец, оттуда — шарамыга к тебе обращается возле киоска, где повесили Бурденко.

Конечно, это малость сложнее, чем вызубрить: «когда споткнулся на левую ногу — всё пойдёт как по маслу, а если на правую — даже и не пробуй, сразу заворачивай оглобли». Зато монада, в которой даже среднестатистический Немец не смыслит ни уха ни рыла, многое объясняет...)

~ ~ ~

Один Одесский преферансист являлся в молодости частью преступного мира. Затем он перековался и начал сотрудничать с Одесской телестудией в качестве комментатора свежих криминальных новостей. Он даже книжку написал о впечатлениях, полученных в своём бандитском прошлом. Именно в ней, он утверждает, будто год твоего рождения, и особенно его летний сезон, в Одессе отмечала критически бурная криминогенная обстановка.

Это редчайший случай, когда печатный текст не смог меня убедить, потому что в то лето я присутствовал там лично и ничего такого не заметил. Что говорит в пользу теории о существовании параллельных миров.

Перекованный комментатор и я жили каждый в своём параллельном мире, в котором и получали впечатления, несовпадающие с теми, что не от мира сего. Общим для нас оставался лишь номер текущего года.

Однако не стоит отметать возможность того, что два отдельных мира (при всём своём параллелизме) могли, время от времени, соприкоснуться, чем и разъясняется наличие пары эпизодов с криминальным оттенком в течение абсолютно спокойного, в остальном, лета 79-го.

. . . .

Да, следует признать, что на протяжении моих хождений по Одессе, мне таки случилось наблюдать два случая контакта и взаимопроникновения наших параллельных миров. Первый случай произошёл в утреннем автобусе «Гвардейское — Одесса», когда молодой жлоб на втором сиденье слева устроил выговор водителю, за незначительное изменение маршрута на городской окраине.

По прибытии на автостанцию у Нового Базара, водитель прибежал из своей кабины в салон автобуса, с извинениями и техническими (в какой-то мере чересчур подобострастными) объяснениями. Он был прощён, благодаря заступничеству молодой пассажирки с того же сиденья, смягчившей своего столь легко возбудимого спутника...

Второе взаимопроникновение состоялось в здании железнодорожного вокзала, где я обратился к случайному милиционеру с вопросом о количестве населения в городе Одессе. За ответом, страж порядка послал меня в отделение милиции на первом этаже вокзала.

Дежурный лейтенант, услышав тот же вопрос, сказал мне подождать.

Исполняя его пожелание, я облокотился на разделяющую нас стойку и наблюдал, как червячки его красных губ похотливо стискивают, ёлзают и ласкают фильтр его незажжённой сигареты, под аккомпанемент резких вскриков и тяжких ударов за моей спиной.

Мой беглый взгляд в направлении шума отметил широко распахнутую дверь в соседнее помещение, где женщина в прозрачной косынке на волосах и в чёрном халате уборщицы умело применяла увесистый держак своей деревянной швабры, которым вырубала ханыгу, задранированного в одни лишь его красные трусы.

Точно такие же красные трусы, с узором из синих теннисных ракеток, были и на мне, под штанами, разве что не настолько линялые, будучи приобретены всего пару месяцев назад. Поэтому меня не тянуло досматривать его неизбежное поражение в текущем матче.

Отвернувшись, я кротко опустил свой взгляд для созерцания поверхности высокой стойки, что разделяла меня и лейтенанта...

Когда офицер получил надлежащую (соответственно роду службы и рангу) квоту наслаждения, он всё-таки закурил, сообщая, что миллиона пока что нет, но может, тысяч 600 наберётся...

. . . .

Поэтому в ходе моего следующего визита в город, опоздав на последний автобус до Новой Дофиновки, я предпочёл провести ночь в скверике внутри кольца дороги, перед железнодорожным вокзалом.

~ ~ ~

Он оказался совершенно безлюдным из-за отсутствия освещения в подземном переходе под кольцом.

Избрав наиболее удалённую от фонарного столба скамейку, я лёг. Она оказалась настолько твёрдой, что мне припомнился Эдгар По, зарезанный на скамейке в Балтиморе, штат Мэриленд, ради \$40 литературного гонорара, который он перед этим получил. Поэтому я частично вытащил из нагрудного кармана рубашки аванс, выданный мне в тот день на Площади Полярников, типа кокетливой бутоньерки из трёхрублёвок — как упражнение для тренировки персональной храбрости, в целях самовоспитания.

Движение по кольцу дороги почти прекратилось, а скамейка стала даже ещё твёрже. Но я держал глаза закрытыми из принципа, потому что ночь — для сна. Поэтому я не спал, когда слышались тихие звуки осторожных шагов по асфальту.

Он подошёл и около минуты стоял надо мною, простёртым на скамье, в усах Эдгара По, синей рубашке с коротким рукавом и частично торчащими из кармана банкнотами Советских денежных знаков. Затем он удалился, так же тихо, как и при появлении. Ради принципа и тренировки, я не открыл глаза посмотреть — кто.

Утром, я очнулся в той же позе, порядком продрогший и крайне задубелый, но, в отличие от великого Американского романтика, живой.

Я встал и засунул деньги поглубже. Группа воронов, с карканьем хлопая крыльями, пролетала в рассветном небе. По виду, та же эскадрилья, что парила над Нежином в день моего отъезда в Одессу. Они сюда летели явно не по прямой. С крыла кого-то из пролетавших, упало перо, направляясь в гротескных выкрутасах в круг сквера.

Запрокинув лицо, чтобы удобнее отслеживать зигзаги пера, я шёл на перехват, невзирая на плохо вскопанные грядки с чахлой календулой... Его я поймал в подставленную ковшиком ладонь, вернулся вспять на тротуар аллеи, и нежно опустил в урну, со словами: «Не при мне, пожалуйста!»

(... недостаточно широко известный Немецкий поэт первой половины XX-го века, однажды посетовал на свою бездарность, иначе бы не допустил самоубийственной мировой бойни.

Мало кто из маститых поднимается до столь глубокого понимания ответственности поэта за судьбу мира. Инертно цепляются они за общепринятые понятия и ритуалы своего времени, а ведь если внимательно вдуматься...)

Однако просто думать — мало, надо ещё и придумывать что-то, как выразился Валентин Батрак, он же Лялька. Где-то...

Глава

~ ~ ~ Прекрасное Поражение

Когда вышел условленный срок, и настало время ехать за тобой и Ирой, то везти вас фактически было некуда. Но давши слово, мне не оставалось выбора, кроме как приехать и хотя бы объяснить причины задержки переезда.

Средства на дорожные расходы у меня критически отсутствовали, как и у всех, у кого я пытался одолжить. Безвыходность ситуации подкинула идею обменять обручальное кольцо на деньги в ломбарде.

. . . .

Пока я нашёл его в городе, ломбард уже работал, а очередь начиналась на тротуаре перед входом... Внутри, учреждение состояло из одной длинной комнаты с перегородками вдоль трёх стен. В перегородках из листового железа имелись окошечки, а в одном, в самом конце комнаты, даже и решётка. Как раз таки туда все и толпились, потому что по стенам позади других перегородок чернокудрый, но унылый юноша вёл косметический ремонт пахучей нитроокраской.

Перед закрытием на обед, для которого всех попросили выйти, мне оставалось метра четыре до финишного окошка.

В нагрудном кармане моей рубашки с коротким рукавом лежало кольцо, которое накануне вечером я насилу ободрал с пальца. Даже мыло и вода из рукомойника (на дереве рядом с общежитием) мало чем помогли. По ходу самоистязания, я вспоминал кинобудку Парка КПВРЗ, и в очередной раз сочувствовал Ольге.

. . . .

Ломбард опять открылся и, выстояв дополнительный час, тревожно замирая системой кровообращения, я протянул кольцо в окошко. Только что серьги женщины, стоявшей передо мной, оказались недостаточно драгоценными, и она ушла ни с чем. Мой заклад проверку выдержал, я получил 30 руб. и бумажку квитанции...

~ ~ ~

На следующее утро, я приехал на Новый Базар и купил синюю пластмассовую кошёлку, а также четыре кило абрикосов для её заполнения, хотя ещё не слишком зрелые. Потом я подошёл к цветочной будке и сказал, что мне нужны красные розы, ровно три.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.